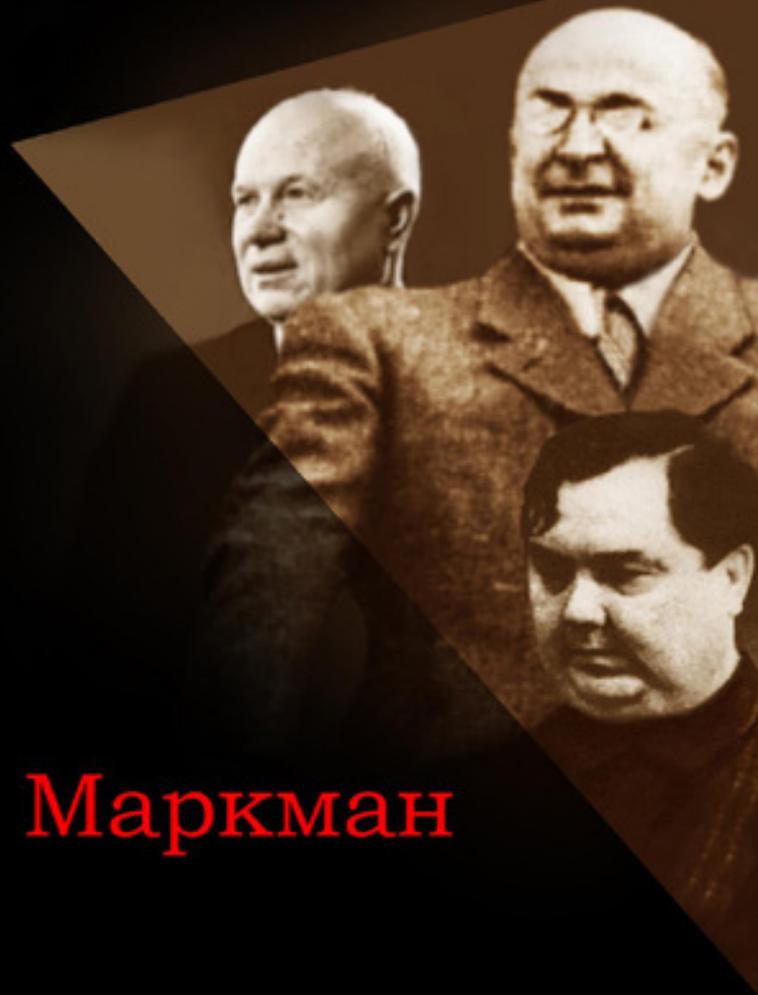
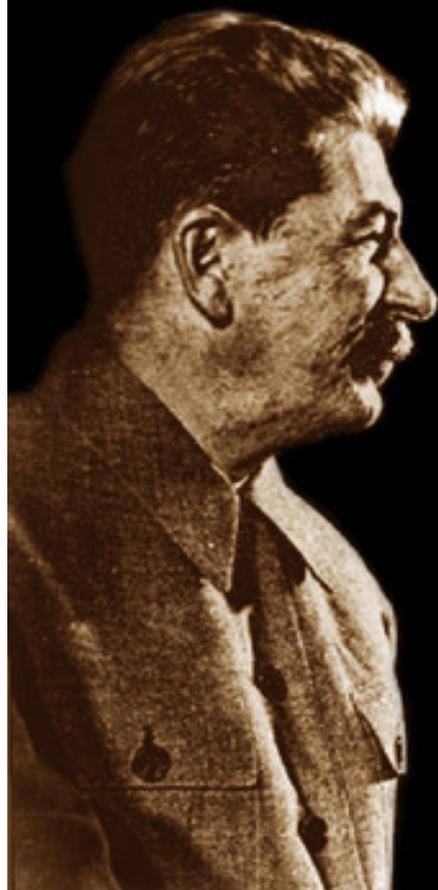

Заговор
против
Горбачева

Алекс Маркман

Алекс Маркман

Заговор против террора

«Автор»

2011

Маркман А.

Заговор против террора / А. Маркман — «Автор», 2011

«Заговор против террора» повествует о событиях, происходивших в 1947–1953 годах в верхнем эшелоне власти в СССР. В основном он развивается вокруг антиеврейских кампаний того времени, начиная с разгона института Варги, затем убийство Михоэлса, расправа с Еврейским Антифашистским Комитетом, дело сионистских врачей-убийц, и многого другого. Молодой офицер Кирилл прошел путь от участника Отечественной войны к СМЕРШУ и оттуда к следственному отделу на Любянке и в Лефортово, где ему пришлось расстаться с наивным идеализмом комсомольской юности и заниматься делами, впоследствии ставшими позором для истории страны. Параллельно с этим происходят события, рассказ о которых ведется от лица Берии, второго по влиянию в Политбюро после Сталина, где он участвует в сложных перипетиях интриг и борьбы за власть, заканчивающихся заговором против Сталина. Пути двух главных героев пересекаются и сливаются в один, ведущий к исполнению замысла. Книга является художественным произведением, но тем не менее полностью основана на известных исторических фактах и материалах недавно открытых архивов МГБ-КГБ.

© Маркман А., 2011

© Автор, 2011

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	34
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Алекс Маркман

Заговор против террора

*Бродят толпы людей, на людей не похожих,
Равнодушных, слепых,
Я заглядывал в черные лица прохожих:
Ни своих, ни чужих.
Владимир Высоцкий.*

Часть 1

Годы 1947–1948-й

Глава 1

Обстановка в комнате накалялась, хоть и говорили все спокойно, не торопясь, вполголоса. Тот, в штатском, что сидел напротив, по другую сторону стола, перебирал бумаги, не поднимая от них глаз, задавал вопросы.

– Так, значит, Кирилл Евгеньевич... – бубнил он.

Второй, в форме полковника МГБ, в удобном кресле поодаль, не сводил с Кирилла глаз. Под его сверлящим взглядом Кирилл продолжал сохранять невозмутимый вид. Он считал себя человеком не слабым: не склонялся под свистом пуль, не вздрагивал от разрывов снарядов, так что ж, теперь в кабинете робеть перед этими двумя?

– Так точно, Кирилл Евгеньевич, – подтвердил Кирилл.

– Двадцать четвертого года рождения, – продолжал выуживать штатский данные из бумаг. – Стало быть, двадцать три уже стукнуло.

– Так точно, двадцать три. В феврале.

– Вижу, вижу, – бурчал себе под нос штатский, изучая очередную бумагу и по-прежнему не глядя на Кирилла. – Что ж, молод, но уже хорошо проявил себя.

Полковник продолжал молчать, но Кирилл, не оборачиваясь к нему, ощущал на себе его тяжелый взгляд.

– Как звать отца твоего? – спросил штатский и, наконец, поднял глаза. Кирилл сразу определил, что он знает ответ на свой вопрос.

– Евгений Борисович Селиванов.

– Селиванов, – повторил капитан, и несколько раз утвердительно кивнул, как будто хотел сказать: «Знаю, знаю, все о тебе знаю».

– Так точно. Отец говорил, что испокон веков в их деревне почти все мужики были Ивановы. Так село и называлось: Село Иванов. Когда стали присваивать фамилии, всем дали одну – Селиванов, потому как все из села Иванов.

Штатский хохотнул, отвалился на спинку стула и не то спросил, не то сообщил: – Он ведь не родной тебе, отец твой.

– Так точно. Они меня взяли из детдома.

– Из детдома. Какая у тебя фамилия была в детдоме?

– Собянин.

– Как ты туда попал?

– Не знаю. Не помню. Кто тогда что записывал? Беспризорников было много в то время. – Он действительно слабо помнил отца и мать. Их образы выплывали в памяти смутно, как в густом тумане. Штатский помуслил палец и перевернул страницу в открытой папке.

– Чем ты занимался в СМЕРШе? – вдруг спросил полковник.

– Мы разыскивали тех, кто сотрудничал с немцами на оккупированных территориях. Также, обезвреживали банды националистов и врагов Советской власти, орудовавших на территории Белоруссии, Украины и Прибалтики.

– Где ранение получил? – сочувственно спросил полковник, и вдруг, не естественно широко раскрыв свои маленькие глаза, обнажив почти всю поверхность белков, сумасшедшим взглядом уставился на Кирилла. «Такая тактика запугивания нам хорошо знакома», – подумал Кирилл. Он помедлил секунду, чтобы подчеркнуть свое хладнокровие, и не торопясь, стал рассказывать.

– Дело было в Литве. Мы гнались за «зелеными братьями». Народ не слабый, отстреливались, двоих наших убили, но мы их окружили. Потом вдруг слышу взрыв, и боль в спине. Это мой напарник напоролся на мину, убит был сходу, а мне осколки достались.

– Как мачеху-то зовут? – Штатский задал этот вопрос, как будто запомнил ее имя и просил напомнить.

– Дуся. Дуся Григорьевна Селиванова.

– Дуся. Евдокия, значит. А?

Кирилл слабо улыбнулся. Докопались. Дуся Селиванова до замужества была Дебора Гершовна Штерн. Сокращенно ее звали Доба. Имя и фамилию она сменила, выйдя замуж за Евгения Борисовича. Евгений вначале звал ее Добуся, а когда настали суровые времена, сократил до Дуся. После его смерти она так и осталась: Дуся.

Во время службы в СМЕРШЕ его друг, что подорвался на mine, утверждал, что МГБ не имеет таких ресурсов, чтобы знать все о каждом. В основном они знают то, что люди им говорят на допросах, а говорят люди все, что знают, а порой и выдумывают, из страха. Однако прием на работу в МГБ – совсем не то, что простое следствие. Здесь нельзя полагаться на удачу.

– Нет, не Дуся и не Евдокия. Дебора Гершовна.

– Знаю, знаю, – закивал штатский. – А Собянины, родители твои, русские люди. Из интеллигентов. Отец и мать умерли от пневмонии в двадцать седьмом году. Гражданка Штерн взяла тебя из детдома.

«Все перерыли, – мелькнула у Кирилла мысль. – Всю подноготную. Даже я этого не знал».

– Женат?

– Не успел. Какая на нашей службе жена?

– Нужно успевать, – наставительно сказал кадровик. – Ничего, найдешь себе жену быстро. Какая-нибудь окрутит тебя.

– Нам нужны хорошие русские люди, – вступил в разговор полковник. – И, в особенности, грамотные люди. К сожалению, грамотных людей немного среди нас.

«Значит, примут», – понял Кирилл.

– Пойдешь на курсы подготовки, а потом – на службу, – продолжал полковник. – У нас много работы. А будет еще больше.

Не раз после этого разговора вспоминал Кирилл пророческие слова полковника, и всегда при этом звучала в его ушах пословица, которую часто повторяла его приемная мать: не было печали, черти накричали.

– Что ты умеешь делать? – спросил кадровик. – Я имею в виду, есть у тебя гражданская профессия, или, может, чем-то занимался серьезно?

– Нет, наверное, – нерешительно ответил Кирилл и задумался на несколько секунд. – Разве что фотографией увлекся перед войной. А во время войны статьи всякие писал в армейскую газету.

Сидевшие напротив переглянулись.

– Это неплохо, – сказал полковник. Он встал и протянул Кириллу руку, которую Кирилл пожал, уже не скрывая радости. Ему очень хотелось на службу в МГБ, чтобы продолжать бороться с врагами Советской власти.

– Полковник Щеголев, – представился он наконец. – Афанасий Захарович. Будем вместе работать.

Глава 2

В этот ничем не примечательный декабрьский день 1947 года Берия, вернувшись из Кремля, по своему обычаю продолжал работать дома. Около девяти часов вечера раздался негромкий, но решительный стук в дверь. Наверняка, охранник, подумал Берия, домашние ведь входили к нему без стука. Так поздно его почти никогда не беспокоили. На приглашение войти в дверях появился охранник и, не отдавая честь, – Берия не любил и не поощрял формальностей, – доложил:

– Приехал кто-то, назвался тезкой вашим, Лаврентий Фомич, просит принять. Дескать, важно. В гражданском.

– Впусти, – разрешил Берия.

– Обыскать?

– Нет, не нужно. Это Цанава, министр госбезопасности Белоруссии.

Охранник смутился, закрыл дверь и исчез.

– Цанава в Москве, – удивился Берия. – Почему я об этом не знаю?

Цанава – один из самых преданных Берии людей. Это благодаря ему, Берии, Цанаву назначили министром МГБ Белоруссии. От него поступали сведения о том, какие секретные приказы отдавал министр МГБ Советского Союза Абакумов, и какие ветры бушевали в министерствах госбезопасности республик, о которых, при всем своем влиянии и власти, Берия зачастую не знал.

Цанава, с легким румянцем на смуглой коже от колкого московского мороза, вошел в кабинет решительной походкой и, подойдя к столу, пожал протянутую ему для приветствия руку своего могучего покровителя и друга.

– Здравствуй, Лаврентий, – приветствовал он.

– Здравствуй. Садись, тезка, – лаконично предложил Берия и почти незаметным движением головы указал на стул.

– Извини..., – начал было Цанава, но Берия резко прервал его.

– Знаю, знаю, что просто так, без приглашения, ты ко мне домой не приедешь. Вот не ожидал тебя увидеть в Москве. По какому поводу ты здесь? Почему не позвонил заранее?

Цанава обвел взглядом кабинет, а потом уставился в потолок, как бы внимательно его разглядывая.

– Мой дом не прослушивается, – угадал его озабоченность Берия. – Это я знаю точно. Моя охрана постоянно здесь, и специалисты проверяют дом время от времени. Можешь говорить свободно.

– Меня вызвал в Москву Абакумов, – еле слышно проговорил Цанава по-грузински да еще наклонившись вперед, как будто сомневаясь, что его не подслушивают. – Сказал, что по очень секретному делу, никто не должен знать. Никто, понимаешь? Включая тебя. Я и не решился тебе звонить.

– Правильно сделал, – одобрил его Берия, также переходя на грузинский. Почему бы двоим мегрелам не поговорить на родном языке?

– Дали сверхсекретное задание, – продолжал Цанава.

Сверхсекретное? – поднял брови Берия. Он едва удержался, чтобы вслух не сказать: Что может быть секретнее атомной бомбы, за проект которой я отвечаю?. Но он лишь поправил пенсне и, не спуская с Цанавы глаз, ждал ответа.

– Да, сверхсекретное. Нужно убить Михоэлса.

– Что, что? – скороговоркой переспросил Берия, полагая, что он либо ослышался, либо не понял Цанаву.

– Убить Михоэлса, – повторил Цанава. – Я должен организовать это в Белоруссии в ближайшие дни.

– Михоэлса? Еврейского актера? Главу Еврейского Антифашистского Комитета? – снова спросил Берия, ушам своим не веря. Он был свидетелем многочисленных дурацких распоряжений сверху, но такой бессмыслицы, пожалуй, еще не было.

– Его, – подтвердил Цанава. В кабинете наступила тишина. Цанава преданно уставился на Берию, терпеливо ожидая его реакции. Берия смотрел на Цанаву, но его мысли были далеко. Он старался представить себе игроков и их замыслы в этой, казалось бы, никому не нужной игре. Абакумов несомненно не мог дать такой приказ самостоятельно. За это ему грозил бы расстрел. Такой приказ не мог исходить от Политбюро, без его, Берии, члена Политбюро, ведома. Да и не могло Политбюро дать такой приказ. Это указание лично Сталина, нет сомнения. И дал он его не через Маленкова, а лично от себя, напрямую Абакумову. Через Маленкова и Берию он отдавал только те приказы, которые шли по законным каналам, осуществлявшим беззаконие.

– Я не могу понять, что это за приказ, и зачем это, – прервал его мысли Цанава. – Может, ты объяснишь? Я было подумал, что это от тебя, либо Маленкова идет. Отвечать-то потом придется мне, если что не так...

– Я такого приказа Абакумову не давал, да и не подчиняется мне Абакумов, – сказал Берия. – Он должен отчитываться передо мной только по тем вопросам, которые касаются атомной бомбы.

– Так значит... Цанава остановился в недоумении, ожидая услышать от Берии подтверждение своей догадки, от которой в глазах его промелькнула тень.

Берия встал, прошелся по кабинету и остановился у окна, вглядываясь в ночь, в холодный городской полумрак. Что затевает этот обезумевший идиот, наш вождь? – размышлял он. – Михоэлс был очень ценный человек для Берии, да и для всей страны. Через него налаживалась связь с Гарриманом, министром торговли США. Есть сведения, что Гарриман будет баллотироваться в президенты на следующих выборах. Через Михоэлса также налаживались связи с очень важными и нужными людьми за границей, евреями и неевреями, от которых к Берии стекалась масса информации как военного, так и политического и экономического характера. Инициатором и администратором деятельности Михоэлса был в большинстве случаев Берия, хоть Михоэлс об этом и не подозревал. Тайно убить такого полезного человека – просто безумие, отрицание всякого здравого смысла и полное игнорирование интересов государства. Берия повернулся к Цанаве.

– Как будет осуществляться задание? – спросил он.

– Решили пригласить его в Белоруссию под каким-нибудь предлогом, а там организовать автокатастрофу.

– Кто будет осуществлять это?

– Оперативники из Москвы. Я предложил не поручать это сотрудникам Белоруссии, сам понимаешь...

– Разумеется, разумеется, – согласился Берия, возвращаясь на свое кресло.

– Что все это значит, Лаврентий? – спросил Цанава, нахмутив лоб. – Что мне делать?

Цанава был явно растерян и расстроен, и не пытался скрыть это.

– Выполнять приказ. Что еще остается? – резко ответил Берия.

Цанава вздохнул, и разочарованно произнес: – Почему они именно меня выбрали?

Берия чуть не расхохотался своему другу в лицо. В то время как во всех республиках масштаб репрессий и поисков врагов народа стал значительно меньше, чем при Ежове, в Белоруссии, при Цанаве, они продолжались почти с той же интенсивностью. Тайных убийств, автокатастроф и загадочных исчезновений там было не счесть. Для Цанавы убить человека было проще, чем блоху. Так что Цанава был самый подходящий человек для такого задания. Белоруссия, рассуждал далее Берия, была лучшим местом для инсценировки. Близко от Москвы, и

достаточно еще евреев, среди которых теплилась еврейская культура, чтобы пригласить Михоэлса для какого-нибудь выступления. И, что еще не маловажно, неприязнь, если не ненависть к евреям, местного населения в особенности после массовых репрессий Ежова, которые осуществлял еврей Бергман. Там жалеть еврея, пусть даже самого знаменитого и миролюбивого, никто не будет.

– И в чем ты видишь проблему? – не сдержал улыбку Берия.

– Проблемы убить нет никакой, сам понимаешь. – Цанава даже сделал небольшую паузу, чтобы подчеркнуть весомость сказанного. Берии слегка не понравилось это «сам понимаешь», как будто это был намек на то, что они одного поля ягоды, но он и виду не подал. – Но чую я печенками, даже не знаю, откуда это чувство, что добром это все не кончится. Абакумов говорит, что Михоэлс – глава еврейского подпольного антисоветского движения, потому его нужно убить. Скажи, Лаврентий, нашел кого таким дерьмом кормить? Сказал бы просто, убрать, а то причины мне рассказывает. Что здесь детский сад?. Однако, я что-то не понимаю, в чем же истинная причина?

– Что касается причин... Нет необходимости их сейчас обсуждать. Поговорим подробнее после выполнения задания. Почему тебя это беспокоит? Выполнять-то не ты будешь.

Цанава почесал лысину и поморщился.

– Понимаешь, я видел Сталина недавно. Плохо он выглядит. Недолго ему жить осталось, как я вижу. После него начнутся разборки, и не известно, кто с кем будет счеты сводить. Вдруг, кто из евреев верха возьмет, или у них влияние будет? Их до сих пор много в партии, да и в наших органах. Все начнет крутиться в обратную сторону.

– Будущего никому знать не дано, – философски отделался Берия. – Даже и при нем ты не можешь знать, что будет через год. Выбора-то у тебя все равно нет, так что выброси свои заботы из головы. Хочешь поесть, или выпить чего? Жена быстро накроет.

– Нет, нет, дорогой Лаврентий, большое спасибо. Мне нужно спешить, наш спецпоезд скоро отходит. Я пойду, шофер – охранник ждет меня в машине.

После ухода Цанавы Берия погрузился в размышления, пытаясь докопаться до сути замыслов вождя. Нет сомнения, что убийство Михоэлса – лишь звено в цепи кампании против евреев, которую Сталин начал в 1943 году, в разгар войны. Однако тайное убийство не в обычной манере Сталина. Он всегда начинал ликвидацию неугодных с идеологической кампании: развенчать жертву как врага народа или шпиона, заклеить позором и расстрелять с пролетарской принципиальностью за преступления против родины. Почему же сейчас нужно тайно убить? Так, так... Михоэлс – дважды лауреат Сталинской премии. Нелепо обнаружить в нем врага народа, но Сталин и не таких предавал суду. Михоэлс – председатель Еврейского Антифашистского Комитета. Это – большое неудобство; тогда нужно будет сразу браться за ЕАК, и это вызовет огромный и явно неуместный резонанс в мире. Судить Михоэлса – значит потерять многочисленные полезные связи за границей. Быть может, он хочет взяться за ЕАК после убийства Михоэлса? Имеет смысл. Но тогда... Полина Жемчужина, еврейская жена Молотова – активный член ЕАК. Жена Ворошилова – еврейка. Каганович – еврей. От них, старых членов Политбюро, Сталин хочет избавиться. Берия не переставал удивляться, почему Молотов, прекрасно понимая, в каком направлении движется антиеврейская кампания, не разведется с женой. Ведь вокруг столько молодых и красивых баб, готовых ее заменить. Выбирай любую. Ну, ладно, дело вкуса. Сейчас, однако, эта привязанность может стоить Молотову жизни.

А кто после них на очереди? Впрочем, все ходы вождя не просчитать. Если он, помимо всего, решил устроить массовое гонение на евреев и, используя эту карту, уничтожить свою старую гвардию, значит нужно взять всю эту кампанию в свои руки. Держаться в стороне от массовых репрессий – опасная тактика, когда имеешь дело со Сталиным. Никто из этих чистоплюев не остался в живых. И принимать в них участие – тоже опасно. Никто из тех, кто возглавлял массовые репрессии, не остался в живых.

– Парадокс – рассуждал сам с собой Берия, – что все члены Политбюро знают это и, тем не менее, рвутся вверх, к Сталину, как бабочки к пламени свечи. Берия хорошо знал, что двигало этими людьми, ведь он был одним из них. Власть!

Есть в ощущении власти демоническая сила. Оно сильнее самого большого счастья. Страх и преклонение людей перед тобой дурманят сознание. Власть, однажды испытанная, становится дороже денег, любви женщин, и даже здоровья. Человек, заболевший властью, навсегда теряет здравый смысл. Потерять власть для него хуже смерти. Не достигнуть высшей власти – значит разбить свою мечту вдребезги, как разбивают бокал когда из него выпито хорошее вино. Власть – это ощущение мощи и силы. И если властолюбец натывается по пути к вершине пирамиды на соперника такой же силы и таких же амбиций, им овладевает одно желание: убрать его с дороги, убить, как бешеную собаку. Власть... Она вселяется в человека как злой демон и никогда не покидает его. Одурманенный ею верит, что не принадлежит больше к обычному роду человеческому. Он принадлежит истории, и потому суждения толпы о нем не имеют никакой ценности. Опасная эта игра – стремиться к высшей власти. До сих пор она заканчивалась падением с высоты в пропасть, где сброшенного ждала позорная и мучительная смерть. Но отказаться от этой игры невозможно; власть – это помешательство, это наркотик сильнейшего действия, и потому доводы разума не доступны тому, кто этот наркотик попробовал.

Путь вверх связан со смертельным риском. Но ведь часто люди рискуют жизнью ради совсем будничных целей. Если уж стоит из-за чего-то рисковать, так это из-за власти. Цель оправдывает средства. Поэтому наверху собрались люди жесткие и жестокие, для которых коммунистическая мораль – чепуха, придуманная для толпы. Наверх, к солнцу, и никакие чувства или соображения души не останавливают пилигрима власти. Ибо закон и мораль больше не для тебя. Ты выше закона и морали. Ты – вершитель судеб, властелин, который заставляет людей выполнять закон, но не подчиняется ему.

С властью приходит мания величия. От этого не свободен никто. Человек преображается до конца дней своих. Он видит мир только через призму своего «Я». Алчность к поклонению и преклонению не знает границ. Она гложет пораженного этой болезнью даже ночью, и кричит из глубин подсознания: еще, еще...

Обыкновенный человек не может судить властелина, ибо даже при самом могучем воображении ему не понять, в каких обстоятельствах приходится властелину принимать решения, среди каких подводных рифов ему приходится лавировать.

Берия хорошо понимал Сталина в вопросах власти. Он знал, что избежать опалы и расправы этого параноика нет возможности. Единственное спасение – это избавиться от него. В такой игре изощренная стратегия и, в конечном итоге, счастливый случай, решают все.

Глава 3

Недели не прошло после прибытия Кирилла на Лубянку, как привалило ему, новичку, счастье участвовать в секретной и важной операции. Сообщение об этом пришло от полковника Щеголева в его кабинете.

– Готов выполнить ответственное задание партии и правительства? – спросил полковник, заранее зная ответ.

– Так точно, – отрапортовал Кирилл и хотел было подняться и выпрямиться в струнку, чтобы отдать честь, но Щеголев жестом остановил его.

– Сиди, сиди. Это тебе не армия, у нас таких формальностей нет. Вот какой вопрос тебе: ты, в свою бытность в СМЕРШе, убивал людей?

– Было странно слышать такой вопрос от Щеголева. Его внешний вид соответствовал его фамилии; на нем был тщательно отутюженный, по ладной его фигуре скроенный костюм, часы какие-то иностранные, накрахмаленный белоснежный воротник рубахи, – и все это дополнялось и подчеркивалось аккуратной, волосок к волоску уложенной прической. Франт, сразу видно, и наверняка любитель женщин, хоть и лицом не красавец: нос картошкой, круглое, начинающее полнеть лицо и маленькие, узко посаженные глаза. Однако он сразу располагал к себе, в особенности своей доброй, дружеской улыбкой.

– Конечно, приходилось, – охотно ответил Кирилл. – Сколько стрелять приходилось, когда охотились за всякого рода сволочами.

– Я не о том, – сказал Щеголев и прижал ладонь с растопыренными пальцами к поверхности стола. Кирилл отметил, что кожа на тыльной стороне его руки была гладкая, видать, не приходилось ему много работать физически. А полковнику было наверняка уже далеко за сорок, старый, по понятию Кирилла, а вот, поди, неплохо выглядит.

– Я имею в виду... – продолжал Щеголев, – ...Приходилось ли расстреливать взятых в плен, или приговоренных судом к вышке, или там... Ну, сам понимаешь.

– Нет, не доводилось. А что?

– Придется выполнить нечто подобное. – Щеголев замолчал и внимательно уставился на Кирилла. Маленькие глаза его стали еще меньше и в них появилось выражение неприятной пронизательности.

– Придется, значит придется, – пожал плечами Кирилл. – Какой разговор.

– Приказ идет с самого верха, и партия доверяет нам это важное задание, продолжал Щеголев, и взгляд его смягчился. – Будут участвовать люди поважнее меня, близкие к самому министру, и они выполнят всю предварительную работу. Нам останется только закончить дело. На выполнение задания мы сегодня поздним вечером выезжаем в Минск.

– Полковник сделал паузу, с полминуты разглядывая какую-то карту на столе. Потом поднял голову, встретился с Кириллом взглядом, и продолжил.

– Задача довольно деликатная, и вся операция должна быть строго секретной, даже внутри МГБ. Ясно?

Кирилл радостно кивнул в знак согласия. Гордость распирала его грудь. Предстояли интересные события, связанные с выполнением рискованного, полезного родине задания. Секретно даже внутри МГБ! Должно быть что-то поистине грандиозное. За такое доверие он готов был поставить жизнь на карту.

– Значит так, – продолжал Щеголев, – предстоит убрать двух врагов народа. На тебя, как хорошего шофера, возлагается задача водить грузовик. Подробности сообщу на месте. Ясно?

На этот раз Кирилл не поторопился сказать «так точно».

– При чем тут тут грузовик? – спросил он.

– Нужно замаскировать все автокатастрофой. Понимаешь? Это указание сверху. Не нам это обсуждать, – нахмурился Щеголев.

– Они будут вооружены? – спросил Кирилл.

– Нет.

– Так зачем их убивать? Лучше же просто арестовать и казнить, как врагов народа, – продолжал недоумевать Кирилл.

– Еще раз тебе говорю, наше дело – выполнять приказ, а не советовать начальству, что делать. Такая у нас служба. Привыкай. Ступай сейчас домой, оденься потеплей, может, придется, на морозе провести несколько часов. Я заеду за тобой на машине, потом поедem на вокзал и скорым поездом до Минска. Там нас встретят и отвезут в гостиницу. Это все.

В четырехместном купе пассажирского вагона их было только двое. Щеголев был молчалив, хмур, почти сразу же лег спать и проснулся утром, незадолго до прибытия в Минск. Кирилл же долго гнал от себя невеселые, дурацкие мысли, но это плохо ему удавалось. Чем сильнее их гонишь от себя, тем в большем количестве они прилетают обратно, решил он, прежде чем погрузиться в беспокойный сон.

Приятной неожиданностью была гостиница, расположенная почти в центре города. Их поместили двоих в номере, предназначенном для пятерых. Возле каждой железной койки была тумбочка с ящиками, а под единственным маленьким окном стоял длинный журнальный стол, заваленный ворохом газет и журналов. С потолка свисала на шнуре одинокая лампочка, пытающаяся спрятаться под неопределенного цвета абажуром. Все здесь радовало глаз: белоснежные простыни и подушки, стеклянные граненые стаканы на тумбочке, натертый до блеска пол и яркие солнечные зимние лучи, врывавшиеся в пространство между раздвинутыми занавесками в голубых цветочках.

– Мы будем здесь только вдвоем? – спросил Кирилл.

– Конечно. Мы на выполнении важного задания. Нам свидетели не нужны. Ты размещайся здесь, отдыхай, а я пойду по делам. Днем можешь делать все, что хочешь, но часов с пяти, когда стемнеет, никуда не выходи, жди меня в номере и будь готов в любую минуту к действию.

Весь день Щеголев отсутствовал. За это время Кирилл успел поесть в местной столовой, перечитать все газеты, и даже просмотреть старый номер журнала «Работница». Около шести часов появился Щеголев. На нем был старый тулуп, шапка ушанка и коричневые унты, какие носят пилоты, летающие на север.

– Готов? – лаконично спросил он.

– Готов, – бодро ответил Кирилл и бросился одевать припасенный для задания теплый бушлат и валенки, тщательно подобранные по размеру ноги.

– В таких не замерзнешь, – похвалил его Щеголев.

Машина «Волга» стояла у обочины, в ста метрах от гостиницы. Полковник сел за руль, Кирилл разместился на пассажирском сидении, и в ту же секунду мотор, еще не остывший, загудел всеми своими цилиндрами.

Щеголев вывел машину на окраину города, где в этот вечерний час на улицах не было ни машин, ни пешеходов. Исчезли трех-пятиэтажные здания, с тускло освещенными изнутри окнами, за которыми еще теплилась унылая жизнь коммуналок, и на смену им пришли частные маленькие домишки, едва заметные во мраке за сугробами снега. Полковник вглядывался в темноту неосвещенной дороги, прищурившись и наклонившись вперед, как будто это могло сократить расстояние обзора. Вдруг он резко бросил руль влево, и машину занесло, но он сумел ее вовремя направить на узкую, заснеженную боковую дорогу. Буксуя и виляя он подъехал к воротам, примыкавшим к будке, похожей на армейский контрольно-пропускной пункт.

– Приехали, – буркнул Щеголев, открывая дверь, и в машину сразу ворвался мороз. Полковник со скрипом наступил на примятый снег и тут же захлопнул за собой дверь, чтобы не выстудить кабину. Кирилл тоже вышел и огляделся. Кругом тьма, и только в крошечном окошке будки горел свет. Из нее вышел офицер в милицейской форме, бодро и решительно подошел к Кириллу и, съжившись под пронизывающим зимним ветерком, отрывисто спросил: – Кто такие?

– Опергруппа из Москвы, – властным голосом сообщил Щеголев. Обратившись к Кириллу он приказал: – Селиванов, предъяви ему удостоверение.

Охранник в момент оценил Кирилла острым взглядом, почти выхватил удостоверение, раскрыл его и, сравнив фотографию с живым объектом, взял под козырек.

– Проезжайте, – широким жестом разрешил он и заторопился открывать ворота.

– Садись, – сказал Щеголев, возвращаясь на водительское место. Он повел машину мимо будки и остановился возле черной трехтонки.

– Полезай в кабину грузовика и жди здесь, – отрывисто приказал он. Кирилл отметил, что Щеголев слегка волнуется и пытается замаскировать свое состояние резким, уверенным и грубым тоном. – Включи мотор и обогрев, ждать придется долго. Никуда не уходи, потому что когда дойдет до дела, ты должен быть на месте. Понял?

– Понял, товарищ полковник.

Щеголев вернулся в легковую машину, развернулся, буксуя на снегу, и двинулся к воротам. Там он остановился и к нему подошел охранник. Щеголев открыл окно и что-то сказал охраннику. К большому удивлению Кирилла охранник обошел машину, сел на пассажирское место, и машина укатила, оставив за собой распахнутые ворота и кладбищенскую тишину.

Кирилл запрыгнул в грузовик и повернул ключ, оставленный в замке зажигания. Мотор несколько раз прерывисто, с морозным скрежетом прокрутился, а потом вдруг ожил и заработал, издавая глухой, монотонный гул. Кирилл удивился такому легкому успеху. Он ожидал, что придется взять рычаг и вручную прокручивать мотор снаружи, как это обычно делалось в холод.

– Ну и дела, – рассуждал он сам с собой. – Что тут происходит? Неужели нельзя арестовать врага народа и, если уж так нужно, убить его в тюрьме? Если такое опасное поручение, почему не разрешили взять с собой оружие?

Он огляделся. По обе стороны неширокого, покрытого утрамбованным снегом проезда, уныло замерли редкие сосны и сбросившие листву деревья. Впереди, в сотне метрах, возвышался, как силуэт призрака, большой дом. Все его окна были погружены во мрак.

Почему не дают подробных инструкций? – тоскливо подумалось ему. – Странно все это. Охранник уехал, он-то, наверное, получил точные указания. Что это за дом такой странный? Должно быть, много жильцов в нем живет, судя по размеру, а ни в одном окне свет не горит. Посмотреть бы поближе, да нельзя уйти с поста.

Мысли Кирилла перенесли его в Москву. Сейчас, когда он начинает зарабатывать, и неплохо притом, найти бы невесту хорошую, да обзавестись семьей. Нужен, все же, мужику семейный уют и женская ласка.

Ярко вспыхнувшие фары, отраженные от зеркала заднего обзора, грубо вернули его в реальность. Через раскрытые ворота въехали две легковые машины и остановились шагах в двадцати от грузовика. Кирилл открыл окно и, обернувшись, стал наблюдать за происходящим, надеясь увидеть Щеголева и услышать его указания.

Из последней машины выскочили четверо и бросились к первой. Кирилл в свете фар увидел среди них Щеголева. Оперативники распахнули задние двери и ринулись вытаскивать пассажиров. Те сопротивлялись, завязалась борьба, раздались протестующие крики и грубые окрики, резкие команды.

– Башку свэрни, башку, – неслоь из темноты. «Сильный грузинский акцент», – отметил Кирилл.

– Бэри за горло, ну, в это мэсто давай. Давай, давай.

Двое, вытасненных оперативниками из машины, уже не сопротивлялись. Их поволокли по снегу и бросили позади грузовика.

– Может, дубиной по головэ, чтобы нэ рисковать? – спросил грузинский голос.

– Это ни к чему, – отозвался кто-то. Кириллу показалось, что он видел этого человека накануне отъезда в Минск. Но сейчас было не до того, чтобы напрягать память.

Оперативники расселись по машинам, развернулись и рванули обратно за ворота. Щеголев подбежал к грузовику и скомандовал:

– Открывай задний борт.

Кирилл спрыгнул на землю и кинулся выполнять приказ. Схватившись за ржавые, холодные штыри, запиравшие борт, он обнаружил, что забыл в машине левую варежку. Едва уняв дрожь в руках, он изо всей силы рванул холодный металл. Задний борт с грохотом отвалился.

– Бросай их в грузовик, – отрывисто приказал Щеголев. – Живей, живей.

Кирилл подскочил к первому телу и схватил его за ноги, а Щеголев подхватил его за подмышки. По опыту Кирилл знал, как тяжело и неудобно тащить раненого человека или еще не остывший труп. Гораздо легче кантовать тело, когда оно уже задеревенело. Тот, которого они несли первым, еще не успел остыть. Кириллу даже показалось, что он еще живой, хотя и без сознания.

– Давай, – натужно скомандовал полковник, забрасывая тело в грязный кузов. В темноте Кириллу померещилось, что глаза у человека были закрыты. У мертвых они открыты. Неужто живой? Как видно, старый, от одного хорошего удара кулаком он бы развалился на части. Явно был безоружный.

Со вторым справились так же быстро. Щеголев поднял задний борт, Кирилл запрыгнул в кузов, загнал штыри в замки, спрыгнул на землю и остановился в нерешительности, ожидая дальнейших указаний.

– Садись за руль, чего зеваешь, – грубо скомандовал Щеголев, обходя машину. – Ты поведешь.

Кирилл сел за руль, развернулся и выехал за ворота.

– Направо, – бросил Щеголев и, вытащив из кармана лист бумаги, разгладил его на коленях.

– Впотьмах ни хрена на этой схеме не поймешь. – Голос звучал озлобленно и нервно. – Вот, вроде бы нашел. Сейчас налево поверни. Прямо, прямо. Скоро поворот. Да, здесь остановись. Выходи и открой борт. Свалим их на дорогу.

Спихнули их сверху вниз, как бревна, а потом Щеголев оттащил одного на несколько метров подальше от другого.

– В машину, – скомандовал Щеголев. Кирилл опять сел за руль. Полковник приказал: – теперь чуть вперед и развернись.

Кирилл развернулся и, не доезжая до тел, нажал на тормоза.

– А теперь? – спросил он.

– Езжай по ним.

– По ним? – переспросил Кирилл, указывая вытянутой рукой на темнеющие на снегу тела.

– По ним, по ним! – гневно заорал Щеголев. – Не по мне же.

Кириллу захотелось наотмашь треснуть полковника по зубам, но он проглотил слюну, отпустил сцепление и почувствовал, как колеса надежно схватились с поверхностью дороги. Тогда он покрепче нажал на педаль газа, и грузовик, набирая скорость, подскочил передними колесами на первом теле, потом на втором, потом его подбросило на задних колесах. Что-то содрогнулось в груди Кирилла от сознания, что он, возможно, проехал по живым людям.

– Стой! – закричал Щеголев. – Стой!

Кирилл резко нажал на тормоза, и машину, хоть слегка и занесло на свежесвыпавшем снегу, удалось быстро остановить. Тяжелый грузовик не успел набрать скорость, потому и затормозил так легко, подумал Кирилл и сам удивился, почему в такой момент эти мысли вообще пришли ему в голову.

– погоди секунду, – хрипло скомандовал Щеголев, выскакивая из кабины. Кирилл посмотрел ему вслед. Щеголев подбежал к телам и наклонился сначала над одним, а потом над другим, ощупывая их по очереди.

Пульс проверяет, догадался Кирилл. Полковник побежал обратно к машине, легко прыгнул на свое место и уже почти веселым голосом скомандовал:

– Полный вперед, Кирилл. Все в порядке. Благодарю за службу.

– Куда сейчас? – прохрипел Кирилл, пытаясь говорить деловым тоном.

– Езжай прямо. Сейчас будет перекресток... Вот, вот он. У-у, черт, тьма-тмущая, ничего не видать. Здесь направо. Тут, должно быть, недалеко. Вон, кажись, я узнаю места. Точно, поверни еще направо. Ага, вот и ворота. Въезжай сюда. Здесь остановись. Выходи, пересядем в другую машину.

Кирилл, оставив ключ зажигания в грузовике, прыгнул на снег и быстро огляделся. Вокруг в беспорядке стояли грузовики, похожие на тот, на котором они приехали. В нескольких шагах от них урчала мотором «Волга» с потушенными фарами.

– Садись на заднее сиденье, – указал Щеголев, сам заняв место рядом с шофером. – Теперь в гостиницу.

Шофер, лица которого Кирилл не успел разглядеть, включил передачу и лихо помчался по заснеженной дороге. «Опытный водитель», – отметил Кирилл.

В номере Щеголев первым делом скинул с себя тяжелый тулуп и унты, достал из чемодана бутылку водки и налил до краев два граненых стакана.

– Теперь можно выпить, – сказал он. – Садись, Кирилл, долбанем. Мы заслужили это. Хорошая работа.

Кирилл молча принял предложение, чокнулся с начальством и, не переводя духа, выпил все до дна. Хмель сразу же ударил в голову, по телу разлилось тепло. Из недр тумбочки Щеголев достал бутерброд с колбасой, и неуклюже разломал его пополам. Закусив, они выпили еще по стакану. Кирилл совсем захмелел и осмелился спросить:

– Кого это мы прикончили?

– Михоэlsa, – ответил Щеголев, доставая из кармана пачку «Казбека» и затертый коробок спичек. – Бери, закуривай.

Кирилл прикурил от той же спички, что и Щеголев, и примостился на кровати, облокотившись на высокое железное изголовье.

– А кто такой этот Михоэls? – спросил он.

– Вот, темнота, – хохотнул Щеголев. – Знаменитый еврейский актер. Лауреат Сталинской премии. Не слыхал про такого?

– Нет, не слыхал. За что его? – Кирилл был ошарашен и неожиданно начал трезветь. Искоса глянул на бутылку; там еще немного оставалось на дне.

– Он стоял во главе еврейского подполья. Руководил большой тайной организацией. У него была разветвленная сеть агентуры. А ты, Кирилл, поменьше спрашивай.

Кирилл сделал вид, что не расслышал мудрый совет.

– Так зачем же его было убивать? – продолжал допытываться он. – Он мог бы раскрыть свою агентуру. Теперь от него ничего не добьешься.

– Не рассуждай, говорю, – по-отечески, с укоризной прервал полковник. – Думаешь, ты один такой умный? Поработаешь и узнаешь, что никто здесь не задает вопросы начальству. А

ведь любой на Лубянке знает в сто раз больше, чем ты. Давай-ка лучше допьём до дна. Как пошла, нормально?

– Нормально, – согласился Кирилл. Они допили бутылку и молча задымили папиросами, каждый думая о своем. Кирилл с удовольствием курил «Казбек». Хотя и слабее, чем «Беломор», однако куда приятнее. Ему такие папиросы были пока не по карману.

– Может, мне почудилось, но я где-то встречал одного из оперативников, – сказал Кирилл, выпуская облако папиросного дыма. – Того, что вместе с вами тащил одного из этих... ну, Михоэlsa, или кого там.

– Верно говоришь, меткий глаз, – похвалил его полковник. – Это Огольцов, замминистра. Представляешь, с какими людьми ты был в деле?

Кирилл чуть не задохнулся дымом. Такое и в голову не могло прийти.

– А грузин, кто он такой? – спросил Кирилл.

– Цанава. Министр госбезопасности Белоруссии. Видал, какая у него дача?

– Ну и дела, – пробормотал Кирилл.

– Я предлагаю пойти в ресторан: поесть, и пивка попить, – сказал Щеголев, опустив еще горевшую папиросу в стакан. Она с шипением погасла в последней капле жидкости на дне. – Командировочные нам хорошие выдали. Сегодня гуляем. А в Москву приедем, тебе талоны дам. Отовариться в нашем распределителе. Там сможешь по дешевке купить продукты, которых ты в жизни не видал. Там даже в это время свежие мандарины бывают. Совсем другая жизнь, понял?

Глава 4

Поскребышев, личный секретарь Сталина, сообщил, что собрание назначено на два часа дня у Хозяина в кабинете в Кремле, и присутствовать будут только трое из Политбюро. Вождь не любил ни опозданий, ни преждевременных появлений, потому Берия подходил к дверям кабинета точно в назначенное время. Там он столкнулся с Молотовым. Они просто кивнули друг другу, без улыбки, без слов.

«Где Маленков? Неужели пришел раньше?» – беспокойно подумалось Берии. Однако, зайдя в кабинет, Маленкова он не обнаружил. Сталин сидел один, попыхивая своей вонючей трубкой и цепко рассматривая каждого входящего. Его колючий взгляд словно ждал от соратников только подлости и подвоха.

– Рассаживайтесь, – тоном приказа пригласил вождь, небрежно указав рукой с дымящейся трубкой в направлении кресел, расставленных по другую сторону стола. Выслушав приветствия и подождав, когда они разместятся, он спросил: – А где Маланья?

Так он прозвал Маленкова, своего фаворита. Кличку эту он употреблял только за глаза. Как лицом, так и фигурой Георгий сильно напоминал деревенскую бабу, на потеху одетую в добротный мужской костюм. Ему бы еще косынку повязать, с узелочком под подбородком, вот бы потешил.

Когда Сталин шутил, надлежало смеяться, но Маленков был другом Берии. По крайней мере, все так считали. Присоединиться к насмешкам за глаза выглядело бы явным подхалимством. Берия неторопливо поправил пенсне, чтобы прикрыть лицо рукой, и уставился в раскрытую папку.

– Берия давно заметил, что вождь дает смешные, обидные клички тем, к кому он благоволит. Большинство в ЦК считали, что Сталин готовит Маленкова себе в преемники. Некоторые, однако, полагали, что преемником будет Вознесенский. При ином правителе так бы и случилось, считал Берия, ведь Вознесенский был единственный из всего Политбюро, после него, Берии, способный толково управлять государством. Однако у Берии было свое мнение, кому кем быть в скором времени.

– Я полагал, что он уже здесь, – ответил Берия на вопрос вождя. – Только что позвонил, сказал, выходит.

Тут дверь распахнулась, и в кабинет торопливо вплыл, раскачивая полными бедрами, Георгий Маленков. Как всегда гладко выбритый и аккуратно постриженный, в тщательно отутюженном костюме, словно только вышел от парикмахера и приготовился выступать перед большой аудиторией.

– Позвонил Абакумов, – оправдывался Маленков, занимая кресло, на которое кивнул Сталин. – Пришли донесения от Короткова о добровольцах, попавших в Польшу, чтобы переправиться в Палестину. Я посчитал, что будет интересно.

Сталин удовлетворенно кивнул. Александр Коротков был занят дни и ночи напролет вербовкой еврейских агентов в Палестину и под шумок в Западную Европу и Америку, а еще собирал данные обо всех, кто пробирался в Палестину легальными и нелегальными путями. Среди советских добровольцев было много людей военных профессий, в которых нуждались евреи в Палестине: летчики, танкисты, артиллеристы – без них победа в современной войне невозможна. Оправдание Маленкова было достаточно веским.

– От Судоплатова я получил анализ обстановки на Ближнем Востоке, – начал свою неторопливую речь Сталин. Он выглядел бодрым и, казалось, пребывал в хорошем настроении. – Генерал утверждает, что война там неминуема. Она может начаться в любой день. Того оружия, которое мы поставляли до сих пор, явно недостаточно для Израиля, чтобы отразить нападение арабских армий. Они значительно превосходят Израиль как по численности, так и по коли-

честву и качеству вооружения. Благодаря заботе этих хитромудрых англичан. Поэтому наша задача – ускорить поставки оружия Израилю, дать им столько военной техники, сколько нужно для победы в войне. Тем более, что американские евреи платят за это.

Берия был уверен, что если бы не Сталин, Политбюро не прилагало бы особых усилий, чтобы помочь зарождающемуся еврейскому государству. Не было у Советского Союза особых интересов на Ближнем Востоке. Не представляли интерес ни арабы, ни евреи, а большой конфликт, способный повлиять на мировую историю, в этом бесплодном, бедном полезными ископаемыми районе не предвиделся. Да и проблемы покрупнее и поважнее требовали немедленного внимания и больших затрат ресурсов и рабочей силы.

Сталин сделал короткую паузу и обратился к Молотову.

– Как обстоят дела с политической и административной поддержкой стран, которые до сих пор помогали нам в перевозке оружия в Палестину, товарищ Молотов?

Берии пришла в голову мысль, что, если бы здесь присутствовал человек, не посвященный в головоломные интриги Политбюро, в его мозгах могло бы произойти короткое замыкание. Ни для кого не было секретом, даже для хулигана возле пивного ларька, что Сталин начал преследовать евреев еще со времен войны, а точнее с 1943 года. Сейчас, весной 1948-го, антиеврейская кампания усиливалась: недвусмысленные статьи в газетах и массовые увольнения евреев с высоких постов, да и просто суды по политическим мотивам, были красноречивее любых разъяснений. На фоне этих преследований политическая поддержка Израилю и поставки ему оружия, организация тренировочных полигонов и школ с участием советских военных специалистов достигли таких масштабов, что даже США забеспокоились, не говоря уже о Западной Европе. Протестовали и арабы, но Сталин плевал на них; кто они такие, эти темные азиаты, чтобы принимать во внимание их мнение?

Молотов даже поднялся от волнения, что бывало с ним исключительно редко, но тут же сел, и бросил быстрый взгляд на Берия. В его глазах Берия поймал молчаливый вопрос: «Заметил ли ты мое дурацкое возбуждение?»

– «Заметил, заметил, – сказал про себя Берия, сохраняя безучастную маску на лице. – Заметил, как и все остальные. Ни для кого не секрет, что твоя еврейская жена, просионистски настроенная, оказывает в этом вопросе на тебя огромное влияние. А такое влияние может иметь только товарищ Сталин».

– Поток оружия из Чехословакии возрос в последний месяц в несколько раз, – заговорил Молотов, и Сталин одобрительно закивал. – Чехословакия и без нашего нажима симпатизирует евреям. Они продают в огромных количествах немецкие мессеры, наши танки...

– Мы знаем, что они продают, – прервал его Сталин. – Знаем также, что их симпатия к евреям подогревается деньгами американских евреев, которые платят за оружие. У такой любви нет конца.

Вождь усмехнулся в седые, прокуренные усы. Каждый из участников совещания счел своим долгом вежливо хихикнуть вслед.

– Доставка всего снаряжения, как вы знаете, товарищ Сталин, идет через Югославию, – продолжал Молотов. – Тито с симпатией относится к будущему государству Израиль. Его симпатия к евреям известна еще со времен войны. Там, а также в Болгарии, работают круглосуточно наши тренировочные лагеря и школы, где обучают сотни еврейских добровольцев военным специальностям. У нас есть все основания полагать, что эти страны будут продолжать содействовать нам даже при самом сильном нажиме Запада.

– Есть какие-либо признаки такого нажима? – спросил Сталин.

– Англия, разумеется, рвет и мечет, пытается сплотить коалицию против нас в этом вопросе.

– Есть у них какой-нибудь успех? – спросил Сталин.

– Есть, – ответил Молотов. – Америка тоже протестует. Они говорят, что слишком много идет от нас оружия. Хотят сохранить с арабами хорошие отношения для будущих маневров.

– Мы поставим клизму англичанам через Ближний Восток, – пошутил Сталин, с улыбкой зажав трубку в зубах, и все единодушно рассмеялись. Вождь умел иногда крепко повеселить участников совещаний. Однако в шутке этой Берия усмотрел более глубокий, скрытый смысл.

– Будем помогать Израилю, – продолжал Сталин, – столько, столько нужно, чтобы подорвать позиции Англии и всех западных стран на Ближнем Востоке.

Сталин был врагом всем, в том числе и внешнему миру, хотя необходимости в этом Берия никакой не видел.

– Англичане дошли до того, что посылают своих офицеров к арабам не только обучать их, но и участвовать в будущей войне, – вмешался Берия в разговор, воспользовавшись моментом. Он отчасти отвечал за разведку, а также контролировал в какой-то мере, наряду с ядерным проектом, производство и поставку вооружения. – Мы не посылаем своих людей, разумеется, однако много еврейских добровольцев обращаются за разрешением участвовать в будущей войне. Есть среди них способные офицеры, обладающие военным опытом. Кстати, Коротков сообщает, что много евреев эмигрирует в Польшу по поддельным документам, а оттуда они свободно едут в Палестину.

Сталин слегка нахмурился, остро посмотрел на Берия и спросил: – А вы что?

– Коротков многих из них вербует в разведку, – ответил Берия. – Сейчас евреи – самый большой источник пополнения нашей разведывательной сети. Во всем мире они относятся дружелюбно к Советскому Союзу – ценят нашу войну против Германии, благодарны за нашу поддержку будущему государству Израиль. Поэтому у нас есть возможность рекрутировать евреев даже в Америке. Через них мы получили и получаем немало секретов атомной бомбы. Это существенно ускоряет проект.

– Ускоряет, – недовольно пробурчал Сталин. – Вы, товарищ Берия, уверяли меня, что атомная бомба будет закончена в 1948 году. Сейчас 1948 год. Где бомба? Когда будет готова?

Берия на мгновение смутился, сморщил нос, беспокойно поправил пенсне и в долю секунды осмотрел собравшихся. Провал проекта означал бы конец его жизни. Но и отсрочка ничего хорошего не сулила.

– Технические и научные проблемы, которые приходится нам решать, огромны, – стал объяснять Берия. – Необходимо также проверять секретную документацию, которую мы получаем от разведки из Америки. Наши ученые осторожно относятся к этой информации, они боятся дезинформации.

– Когда будет готова? – повторил вопрос Сталин.

– Юлий Харитон уверен, что мы проведем испытания в следующем году. Мы, товарищ Сталин, работаем круглосуточно и значительно продвинулись вперед.

– Харитон, Зельдович, – недовольно пробурчал Сталин, подчеркивая свое недовольство примелькавшимися еврейскими фамилиями. Он хотел пыхнуть трубкой, но она погасла, и он потянулся за спичками. Раскурился, он снова обратился к Молотову.

– Каковы наши шансы сделать будущий Израиль нашим союзником, товарищ Молотов? – спросил он, выпуская клубы дыма. Молотов, очевидно, был готов к этому вопросу и выслушал его в своей обычной манере холодного макиавеллиевского дипломата.

– Шансы очень большие, товарищ Сталин. Во главе палестинских евреев стоит социал-демократическое руководство, которое разделяет многие наши идеи и идеалы. Они организуют кибуцы, во многом похожие на наши колхозы, только обобщение собственности у них еще большее, чем у нас. Они получают от нас оружие и очень благодарны за это. Многие из них считают, что дружба с Советским Союзом будет длиться века.

– Века, – презрительно повторил Сталин. – У меня есть сведения, что они больше ориентируются на американцев. По-моему, в том направлении все движется.

«Ну и лиса ты, товарищ Сталин, – мысленно одобрил его Берия. – Сейчас ты помогаешь будущему Израилю против англичан, которые поддерживают арабов. Потом американцы, которые будут поддерживать Израиль, столкнутся с англичанами, поддерживающими арабов. Вносить раздор и смуту везде, чтобы расширять сферу влияния. И зачем тебе это, товарищ Сталин? Идея Троцкого о мировой революции умерла до того, как Троцкого убили. А ты все цепляешься за нее».

– Товарищ Маленков, – обратился Сталин к Георгию. – Как видите, энтузиазм евреев относительно будущего государства Израиль говорит о многом. Если Израиль будет ориентироваться на Америку, а наши евреи – на Израиль, они создадут внутри Союза среду, в которой будут кишеть шпионы и враги народа. Вы много занимались еврейским вопросом, но сейчас, как видите, он ставится с особой остротой. Достаточно ли у вас информации о том, что сейчас происходит в их среде?

Маленков встрепнулся, раскрыл лежавшую перед ним на столе папку, но в содержимое ее не заглянул. Он обладал отменной памятью, готовился к каждому совещанию и в записях не нуждался.

– Мы собираем сведения обо всех, кто принадлежит к еврейским организациям, – заговорил он, преданно уставившись на Сталина. – Я имею в виду Еврейский Антифашистский Комитет, еврейские молодежные организации и, как они себя иногда называют, культурные организации. Мы следуем вашим мудрым указаниям, и потому нас эти фиговые листочки обмануть не могут. Мы прекрасно понимаем, какая возня происходит под прикрытием «культурной», «просветительной» и тому подобной деятельности.

Сталин медленно и одобрительно закивал, переводя взгляд с одного из присутствующих на другого. Берия и глазом не моргнул: он знал, что Сталин начал борьбу с еврейской культурой «культурным» убийством Михоэлса. А любил Сталин своего фаворита Маленкова за догадливость и исполнительность. И, как он считал, за преданность. «Правильно считаешь ты, товарищ Сталин, – думал про себя Берия, – что он предан тебе больше, чем хорошо дрессированный пес. Но история богата примерами, когда предательство совершается самыми преданными людьми. Впрочем, Сталин это тоже знает. Из всех людей на земле он доверяет только двоим: самому себе, и своему дубиноголовому сыну Ваське. Но Васька бесполезен в политике. А все остальные потенциальные предатели и враги».

– Обращаете ли вы достаточное внимание на тех, кто занимает высокие позиции во всех других сферах? – спросил Сталин. – Я имею в виду промышленность, государственные органы и прочее.

Сталин метнул взгляд в сторону Берии и Молотова, последний до сих пор молчал. У Берии пульс задержался на два удара. В тех сферах, которые подчинялись ему, работало много евреев, и он с большой неохотой давал санкции на их арест. А к тем, кто работал в атомном проекте, никто из органов МГБ подступиться не мог, даже всемогущий министр Абакумов. Берия довольно твердо заявил Сталину, что до окончания атомного проекта он не позволит никого арестовать, и Сталин впервые без спора согласился.

– Разумеется, товарищ Сталин, – живо откликнулся Маленков. – Интенсивная работа ведется в этом направлении.

– Вы, как член Политбюро, ответственный за кадры, должны хорошо знать подноготную каждого. Не так ли, товарищ Маленков? – продолжал спрашивать Сталин.

Берия притворился серьезным, слушая тарабарщину оправдывающегося Маленкова. До сих пор не было представлено убедительных данных о заговорах и шпионской деятельности еврейских организаций, и терпение Сталина подходило к концу. В его ярлыке «ответственный за кадры» отражался замысловатый юмор вождя. Непосвященный мог бы подумать, что задача ответственного за кадры – подбирать людей, наиболее способных выполнять ту работу, на которую их назначают. В действительности основная задача ответственного за кадры – отбирать из

всех отраслей управления и партаппарата тех, кто являлся врагом народа, и расправляться с ними с партийной принципиальностью. Маленков на этом поприще начал свою деятельность с 1935 года, когда был избран в особую комиссию по борьбе с врагами народа. Там он провел огромную работу: почти никто не остался в живых из тех, кто был в то время в высшем эшелоне армии, госбезопасности и партийном аппарате. Берия, однако, надеялся какое-то время, что Сталин доверяет ему больше, чем Маленкову. Поэтому для него явилось большой неожиданностью, когда в 1944 году, в разгар войны, без его ведома появился «маленковский циркуляр», в котором были перечислены должности, на которые запрещалось назначать евреев. Маленков в частной беседе пожимал плечами: Сталин приказал. В это время Берия был министром госбезопасности, и через него должна была направляться такая политика. Возникло в связи с этим несколько вопросов, на которые нужно было обязательно найти ответ. Вопрос первый: значит ли это, что он потерял доверие Сталина, и сейчас Маленков занял его место? Вопрос второй: зачем Сталину эта кампания сейчас, во время войны? Ведь есть столько дел поважнее. Много евреев занято в промышленности, разведке и науке. Избавляться от них, по крайней мере, в такое тяжелое для страны время, было бы безумием. И вопрос третий: какой у Сталина дальний прицел? Ведь он думал только о своей власти и будущих расправах, все остальное было для него мало важно. Где связующее звено?

– Подготовьтесь к Генеральной ассамблее ООН, – обратился Сталин к Молотову. – Обеспечьте будущему Израилю максимальную политическую поддержку.

– Уже предприняты конкретные шаги, – с гордостью заявил Молотов.

– Хорошо, – скупно похвалил его Сталин. – На этом закончим сегодня. Ты, Лаврентий, останься, мне нужно спросить тебя кое о чем.

Маленков и Молотов удалились. Сталин пыхнул трубкой и недобро уставился на Берию.

– Ты уверен, что бомба будет готова в следующем году? – спросил Сталин, переходя на грузинский. Когда не было рядом русских, он предпочитал говорить на родном языке. Берия, хорошо знающий вождя, уловил в его тоне раздражение и угрозу, хоть и говорил Сталин спокойно и, казалось, полностью был поглощен раскуриванием трубки.

– Уверен. Летом следующего года приступим к испытанию.

Сказав это, Берия проглотил нервный комок, застрявший в горле. Вполне возможно, что сейчас он приговорил себя к расстрелу. Если будет задержка, конечно. А если нет, будут награды, а потом... Потом его, Берию, как и всех тех, кто добивался больших успехов, Сталин сбросит с пьедестала в могилу. Потому что великим может быть только Сталин, остальным это не разрешено. Но пока лучше об этом не думать.

– Почему все же задержка? – не унимался Сталин, строго уставившись на Берию. – Что, ресурсов тебе не хватает? У твоего проекта нет бюджета. Столько, сколько нужно денег, материалов и всего прочего, ты получаешь по первому требованию.

Сталин, наконец, раскурил трубку и выдохнул густой, вонючий дым. За окном солнце вышло из-за клубившихся туч, и в комнате стало значительно светлее. Берия заметил, что Сталин выглядит сейчас значительно хуже, чем в начале совещания. Устает быстро вождь в последнее время, пора бы ему на покой, или лучше в могилу, а он все еще цепляется за власть.

– И людей ты нанимаешь, сколько хочешь и каких хочешь, – продолжал упрекать Сталин. Берия понял намек относительно людей.

– Вы абсолютно правы, товарищ Сталин, – вкрадчиво заговорил Берия. – Без вашей поддержки и мудрых указаний мы не смогли бы достичь таких потрясающих успехов в разработке бомбы. Я не буду оправдываться относительно задержки, однако прошу вас учесть, что мы начали проект на пустом месте всего два года назад, когда вы назначили меня главой проекта. Не было инфраструктуры, лабораторий, зданий, оборудования и материалов. Не было даже науки, занимающейся ядерными проблемами, и, следовательно, людей.

Тут Сталин резко бросил взгляд на Берию и тот понял, что сболтнул лишнее. Знает, интриган, что сам уничтожал науку и ученых, а всегда раздражается даже из-за намека на это.

– И вот, за два года, – продолжал Берия, – мы создали центр, не уступающий американскому ни в сложности оборудования, ни в уровне прикладной науки, ни в качестве ученых. Такие темпы возможны только в условиях социалистического производства, и только благодаря вашей поддержке и мудрому руководству. Все мои люди понимают это, товарищ Сталин, и трудятся день и ночь, чтобы выполнить задание партии и правительства и оправдать ваше доверие.

Мысленно, он добавил: «И чтобы избежать расстрела за невыполнение задания. Что б тебя, беса, удар хватил». – Берия, конечно, не произнес это, а преданно уставился на Хозяина.

– Не позже следующего лета. Понял? – сказал Сталин. Берия понял. В тоне вождя ясно прозвучало слово «расстрел».

– Понял. Абакумов пытается отозвать кое-кого из моих разведчиков, работающих в Америке, – перевел Берия разговор на другую тему. Сталин прекрасно знал, что значит отозвать разведчика: его засудят на родине как предателя и врага народа. Сталин также знал, что у многих из них еврейские фамилии.

– Я сдерживаю его, как могу. Прошу вас еще раз ему напомнить, что ни один разведчик, работающий в Америке, не может быть отозван без моего разрешения. Мы через разведку получаем ценнейшую информацию об американской атомной бомбе, без которой быстрое развитие проекта невозможно.

Сталин задумчиво пыхнул трубкой.

– Ладно, – согласился он. – А ты держи меня в курсе дела. Как только у нас появится бомба, расстановка сил на карте мира изменится радикальным образом.

– Я это хорошо понимаю, товарищ Сталин, и я оправдаю ваше доверие – горячо заверил Берия, а про себя добавил: «Был бы жив Троцкий, мечтавший о мировой революции, порадовался бы он, услышав твои слова». Только для Троцкого мировая революция была идеей, которой он был предан. Для Сталина это было средство распространения его власти. Для Сталина его величие – самая большая ценность на свете. По сравнению с ним жизнь миллионов людей, всей страны, да и всего мира – не более, как мелкая монета.

– Смотри же, следующим летом... – сказал вождь и кивком отпустил Берию.

Глава 5

Вальяжно развалившись и закинув правую руку за спинку стула, Щеголев приветствовал вошедшего к нему в кабинет Кирилла как старого приятеля.

– Садись, садись, есть разговор к тебе, – он кивком указал на стул по другую сторону стола. Щеголев соединил ладони, как будто для молитвы, и сделал короткую, но многозначительную паузу. – Как тебе здесь, на Лубянке, нравится?

– Неплохо, но вы не поручаете мне ничего серьезного. Все с какими-то материалами знакомиться, с делами подозреваемых, а действия никакого.

– Здесь тебе не война или уличная драка, – учительским тоном проговорил Щеголев. – Здесь нужно терпение, много знаний и понимание, как выполнить задание.

– Пока что, изучая материалы, я не нашел шпионов и врагов, – сказал Кирилл. – Их поиском я и хотел бы заниматься.

– Для этого я тебя и пригласил, – Щеголев наклонился вперед и прижал правую ладонь к поверхности стола. В его маленьких глазах засверкали искорки заинтересованности. – Ты, будучи в армии, писал статьи в газете. Так?

– Так, – согласился Кирилл, не понимая, куда клонит начальник.

– И занимался фотографией до армии. Так?

– Так, – снова подтвердил Кирилл.

– Перед тобой ставится задача государственной важности, – Щеголев схватил карандаш и наставил его на Кирилла, как дуло пистолета. – Ты должен будешь установить дружеские отношения с членами Еврейского Антифашистского Комитета. Полковник помолчал, разглядывая Кирилла, и, не обнаружив никакой реакции с его стороны, продолжал:

– Эта организация полностью переродилась. Она стала убежищем для шпионов, передающих секретную информацию за границу. Они пользуются своими связями, сохранившимися еще с войны. Нужно собрать как можно больше материала об их преступной деятельности и обо всех людях, которые сотрудничают с ними, и о тех, которые часто встречаются и дружат с ними. Докладывать будешь обо всех разговорах, которые они ведут между собой, узнаешь адреса и места работы людей, связанных с ними, ну словом, все. Здесь не может быть мелочей или незначительной информации. Из мелких кусочков иногда собирают сложную мозаику. Понимаешь?

– Понимаю, – Кириллу назначение показалось заманчивым. Пробраться в логово врага, собрать явные улики – о такой деятельности мечтал он, когда поступал в МГБ. – Интересное задание. Но при чем тут мои статьи в армейских газетах?

– Мы приготовим для тебя документы журналиста, работающего в «Комсомолке», – ответил Щеголев. – Под этой маскировкой ты сможешь проникнуть к ним, и не только к ним. Мы даже организуем печать твоих статей в газете, под твоей фамилией. Твое знание фотографии будет кстати. Ты сможешь делать снимки людей и мест, представляющих интерес. Инструкций никаких я давать тебе не буду. Появляться здесь будешь раз в неделю для представления отчета. Когда круг знакомых расширится, встречаться будем на явочной квартире, чтобы случайно не засветиться. Зайдешь завтра в отдел кадров и получишь все документы, а также имена тех людей в «Комсомолке», с которыми ты, как журналист, будешь в контакте.

– Благодарю за задание, – сказал Кирилл. Щеголев поднялся и протянул ему руку через стол. – Тебе выпала большая честь, Селиванов, и оказано большое доверие, – торжественно провозгласил он. – Не подведи.

– Не подведу, – заверил начальника Кирилл и крепко пожал протянутую руку.

– Кстати, как ты, обустроился? – спросил Щеголев. Он имел в виду комнату, которую Кирилл получил в коммуналке.

– Неплохо. Мебели пока не много, кровать да табуретка, но скоро приобрету. И с соседями мне повезло. Кроме моей, еще только две комнаты во всей квартире. В одной старуха живет, лет пятидесяти, – тут Щеголев хмыкнул, – а в другой – интеллигентная пара без детей, тоже стариканы, чуть помоложе, но приятные люди. Так что все очень хорошо.

– Ну, вот и чудесно, – одобрил Щеголев. – Удачи тебе.

* * *

К заданию Кирилл готовился тщательно, хоть и в спешке: хотелось как можно скорее начать работать по-настоящему. Всего, конечно, не перечтешь и не узнаешь, но кое-какие оперативные материалы о членах ЕАК на Лубянке уже были, а общее представление о деятельности комитета он получил, просматривая различные открытые источники. В комитет он позвонил во второй половине дня. Ответил ему молодой, приятный женский голос.

– Это Еврейский Антифашистский Комитет? – спросил Кирилл.

– Да. Кого вам нужно?

– Здравствуйте. Меня зовут Кирилл Селиванов. Я корреспондент «Комсомольской Правды». Можно узнать, с кем я говорю?

– Меня зовут Софа. Я сегодня отвечаю на телефонные звонки, но формально здесь не работаю.

– Мне хотелось бы взять интервью у кого-нибудь из членов антифашистского комитета о деятельности вашей организации и узнать их мнение об обстановке в Западной Европе. Не могли бы вы помочь мне?

– Вы звоните не в удачное время. Никого из членов комитета сейчас здесь нет. Есть только двое, которые помогают комитету в качестве добровольцев. Я, кстати, тоже здесь как доброволец.

– Что ж, для начала и это хорошо, – сказал Кирилл. – Можно, я сейчас к вам зайду?

– Ну-у-у, – неуверенно протянула женщина, – никто, конечно, вам не запретит к нам прийти...

– Прекрасно. Тогда я скоро буду у вас, – бодро сказал Кирилл и повесил трубку, не давая женщине шанса возразить. Через десять минут он был на месте.

Комната, где располагался комитет, ничем не напоминала логово врага. Пять простых столов со стульями, полки с книгами вдоль противоположной стены, и кое-какая утварь, назначение которой трудно было понять. За одним из столов сидела молодая брюнетка и говорила по телефону. Увидев Кирилла, она улыбнулась, приветливо помахала рукой и, схватив карандаш, стала что-то записывать, прижав плечом трубку к уху. По ее голосу он понял, что это Софа.

За другим столом сидели двое. Женщине на взгляд было под шестьдесят. Бедно, но очень опрятно одета, седые волосы туго затянуты в узел на затылке, вид очень интеллигентный. Лицо явно еврейское: длинный нос с горбинкой, как будто кто-то прикрепил его между щек, чтобы подчеркнуть из озорства ее происхождение, миндалевидные, когда-то, видимо, очень красивые глаза, узкое лицо с приподнятыми скулами и плотно сжатые губы, уголки которых слегка приподнялись вверх в приветственной улыбке. Рядом с ней, вполоборота к входу, сидел мужчина лет сорока пяти, в помятом черном пиджаке и голубом с красными кругами галстуке, по которому, очевидно, не проходили утюгом со дня покупки, и в старом, расстегнутом снизу доверху, синем плаще.

Я звонил... – начал говорить Кирилл, но тут Софа со стуком положила трубку и поднялась ему навстречу.

– Проходите, проходите, – пригласила она, улыбаясь. «На мордашку так себе, – отметил Кирилл, – лет двадцать пять, может, поменьше, но фигура что надо: большая грудь, очерченная теплым коричневым свитером, узкая талия и крутые бедра. Соблазн, да и только».

– Познакомьтесь, – продолжала она бойко щебетать, – это Арон Исакович Шигалевич, ученый, биолог.

– Вы, Софа, можете смело назвать меня «бывший ученый биолог», – вмешался в разговор Шигалевич. – Сейчас биология не в почете.

– Арон Исакович – скептик и циник, – продолжала представлять его Софа. – Он сотрудничает с комитетом, но не является его членом. И познакомьтесь с Цилей Наумовной Бланк, – тут пожилая женщина улыбнулась и приветливо кивнула, – она тоже волонтер, но уже редко нас посещает.

– Я тоже биолог, но бывший в полном смысле слова, – надтреснутым голосом представилась Циля Наумовна. – На пенсии, – пояснила она.

Тут зазвонил телефон, и Софа, бросив короткое «извините», схватила трубку. На этот раз у нее явно был не деловой разговор, ибо в следующую секунду она радостно хихикнула.

– Софа сказала, что вы собираетесь что-то писать о деятельности Еврейского Антифашистского Комитета, – обратился к Кириллу Шигалевич. – Кстати, садитесь, извините, что мы сразу вам не предложили.

– Да, собираюсь. Серию статей, если будет достаточно интересного материала, – сказал Кирилл, усаживаясь на стул.

– Вы из какой газеты? – спросил Шигалевич. Взгляд его был подозрительный, но не злой; казалось, он смирился с тем, что все в мире стукачи и не стоит по этому поводу расстраиваться.

– Из «Комсомолки».

– И давно вы в журналистике?

– Нет, недавно. Мне ведь всего двадцать четыре исполнилось в феврале.

– Как вы попали в журналистику? Извините, что задаю много вопросов, просто мне любопытно. Попасть на работу в «Комсомолку» даже москвичу тяжело, а вы, как я могу судить, не москвич.

Кирилл удивился, каким образом Шигалевич угадал, что он не москвич. Может, он еще что-то заметил, но не говорит? Может, ширма журналиста здесь не более, как фиговый лист?

– Пожалуйста, спрашивайте, я с удовольствием отвечу на все ваши вопросы, – сказал Кирилл. – Насчет журналистики... Мне просто повезло. Во время войны, на фронте, я писал какие-то статейки в армейские газеты и журналы. Потом, после ранения, работал в армейской газете, но все это были мелочи. По-настоящему меня заметили после моих репортажей о поисках людей, сотрудничавших с немцами на оккупированных территориях, и искоренения оставшихся банд, воюющих против Советской власти.

Шигалевич и Циля Наумовна заметно смягчились, услышав факты его биографии.

– Странно, что вам поручили писать о Еврейском Антифашистском Комитете, – пожал плечами Шигалевич. – Почему это кого-то интересует?

– Я получил это задание от заведующего отделом внешней политики, – начал с энтузиазмом объяснять Кирилл. Ему показалось, что он нашел убедительное объяснение. – Мне не поручали специально писать о Еврейском Антифашистском Комитете. Мне поручили написать серию статей о возрождении фашизма в Западной Европе. Я подумал, что самое удобное – начать с вас, так как у вас должно быть много материала на эту тему, а потом уж обратиться к другим источникам.

– Вы согласовали это с заведующим отделом? – спросила Циля Наумовна.

– Я сказал ему, что конкретно намерен делать, и он не возражал.

– Вы выбрали не совсем удачный путь, молодой человек, – с улыбкой сказал Шигалевич. – У нас значительно снизилась активность последнее время. Люди стали бояться общаться с евреями за рубежом. В особенности, после убийства Михоэlsa.

Кирилл спокойно встретил пронзительный взгляд Шигалевича. Сказать такое журналисту!

– Убийства? – переспросил Кирилл, хорошо сыграв искреннее удивление. – В газетах писали, что это был несчастный случай. Они с другом попали в аварию.

Шигалович хмыкнул и криво улыбнулся.

– По молодости и неопытности, молодой человек, вы можете поверить в это. С годами вы приобретете опыт и начнете более критично относиться к подобного рода объяснениям. Ваша профессия вам в этом поможет. Впрочем, журналистика – одна из древнейших профессий.

Тут Циля Наумовна и Софа, закончившая к этому моменту телефонный разговор, хихикнули. Кирилл не понял юмора, но решил не выяснять, чтобы не показаться невежей. Он вежливо улыбнулся и спросил: – А что вас наводит на мысль, якобы это было убийство?

– Обстоятельства, – печально вздохнул Шигалевич. – Михоэлс с приятелем поехали с одной вечеринки на другую на машине. Был мороз и поздний час. По логике вещей, они должны были возвратиться к себе в гостиницу также на машине. Они возвращались пешком. Чтобы такого знаменитого человека, как Михоэлс, не подвезли благодарные хозяева на машине к гостинице? Невероятно.

– Но ведь можно же предположить, что они решили пройтись пешком, чтобы освежиться после выпивки; это часто бывает, когда хватили лишнего да закусили плотненько, – сказал Кирилл. Он не ожидал серьезного возражения от Шигалевича.

– Я хорошо знал Михоэлса, – Шигалевич укоризненно кивнул головой. – Он не тот человек, который бы хватил лишнего, или наелся доотвала. Михоэлс мало пил. Можно, конечно, предположить, что он решил пройтись. Предположить все можно. Только по незнанию. Михоэлс не любил холод, потому возвращаться пешком в морозную ночь, когда на улице снег и ветер, он бы не стал. И уж совсем чудовищно предположить, что он с приятелем шел не по тротуару, а по дороге, как пьяный биндюжник.

– Может, переходил дорогу? – неуверенно возразил Кирилл. С логикой Шигалевича было трудно не согласиться.

Биолог наигранно рассмеялся.

– Чтобы знать, переходили они дорогу или нет, нужно бы сначала узнать, откуда они возвращались. А вот до такого места следствие не докопалось. Знаете, Кирилл, я ведь был в Минске недавно и специально пошел поздним вечером на улицу, где их раздавил грузовик. На этой улице с наступлением темноты практически нет движения транспорта, и пешеходов на ней не увидишь. Может, одна-две машины проедут за весь вечер. Как могло случиться, что они не заметили приближающийся грузовик на пустой дороге? Вы ведь знаете, как громко грузовик тархтит. Его за версту услышишь.

– Быть может, на этой дороге было мало машин, когда вы там были, – продолжал возражать Кирилл. – Ведь не стояли же вы целый вечер на этом месте, чтобы считать машины?

– Разумеется, нет, – согласился Шигалевич. – Но достаточно вспомнить, что трупы пролежали всю ночь, их припорошило снегом, а наутро, когда рабочие по дороге на работу обнаружили их, на дороге все еще не было машин. Представляете, какое там интенсивное движение? Да что говорить! Масса подобных обстоятельств просто кричит о том, что никакой случайной автокатастрофы не было. Однако не будем об этом. Надеюсь, вы понимаете, что мои соображения о Михоэлсе не для печати. И даже не для передачи в устном виде.

– Конечно, конечно, – поспешил согласиться Кирилл. Он тут же решил, что сдержит слово и опустит в своем оперативном отчете эту часть разговора. – Все это очень интересно. Я никогда об этом не задумывался... – Кирилл говорил правду. Ему и в голову не приходило, как много обстоятельств гибели Михоэлса являются подозрительными. Ему казалось, что высокое начальство МГБ продумало убийство до мелочей... – Не понимаю, – продолжал он, – кому это понадобилось? И зачем?

Тут Кирилл не кривил душой. Подобные вопросы, как злые слепни, атаковали его время от времени, и избавиться от них никак не удавалось. Шигалевич умел мыслить ясно и логично. Быть может, он знает ответы на эти вопросы?

– Довольно о Михоэлсе, – устало проговорил Шигалевич, поднимаясь. – Мне нужно успеть на встречу.

– Я рад был с вами познакомиться, – сказал Кирилл и встал, чтобы пожать протянутую руку. – Надеюсь, как журналист, услышать от вас много интересного. У меня даже появилась мысль побольше узнать об обстоятельствах гибели Михоэлса. – Мысленно, про себя, он добавил: не об обстоятельствах, а о причинах. Обстоятельства ему были известны лучше, чем кому-либо другому.

Не думал, не гадал он в тот момент, что судьба уже угодила ему не только возможность узнать правду, но и поплатиться за это.

– Вы думаете, что сможете докопаться до истины? – спросил Шигалевич, скептически улыбувшись. Не оставив Кириллу возможность ответить, он посоветовал по-отечески: – Оставьте это, Кирилл. Не рискуйте своей работой, а может быть, судьбой. Мы живем в тяжелые времена.

Шигалевич и Циля Наумовна ушли, оставив Кирилла и Софу одних. Девушка молчала, отвечая на его взгляд приветливой улыбкой.

– Почему Шигалевич сказал, что журналистика – одна из древнейших профессий? – спросил Кирилл. – Ведь эта профессия – одна из самых молодых на земле. Она появилась с тех пор, как появились газеты.

Софа беззаботно рассмеялась.

– Шигалевич имел в виду войну, преступления и проституцию, – ответила она, метнув на него озорной взгляд.

– Понял, – обиженно сказал Кирилл.

– Не сердитесь на него, – попросила Софа, приводя в порядок бумаги на столе. – Он замечательный человек. Я уверена, что он не хотел вас обидеть.

– Можно вас проводить до дому? – спросил Кирилл.

До моего дома отсюда минут двадцать пешком, – сказала Софа, но в ее тоне не чувствовалось отказа.

– Это даже лучше, – сказал Кирилл. – У нас будет больше времени поговорить.

Софа заперла дверь на ключ и вывела его из здания. На улице пахло талым снегом и приближающейся весной.

– Как чудесно на улице! – с восторгом проговорила Софа, шурясь от яркого мартовского солнца. – Люблю я такие дни, предвестники весны. Снег еще лежит, но не искрится, и солнце уже согревает. Правда? – она заглянула ему в глаза снизу вверх, кокетливо и выжидающе. Ее интерес к нему был настолько явным, что Кирилл на секунду смутился. Чтобы отвлечь ее внимание, он указал пальцем на лоток с румяной продавщицей в деревенском платке и спросил:

– Не хотите мороженое?

– Обычно я мороженое зимой не ем, – сказала она со смешком и тронула его за рукав. – Но сейчас сделаю исключение.

– Два брикета, – попросил Кирилл, протягивая продавщице мелочь. Продавщица вырезала из белой массы круги в форме хоккейной шайбы, зажала их такого же размера кругами вафель, и подала Кириллу.

– Кушайте на здоровье.

– Не мы одни едим мороженое зимой, – сказал Кирилл, кивая на стайку девушек, с веселым щебетанием окруживших продавщицу.

– Вы правы, Кирилл, – согласилась Софа с наигранной серьезностью. – Я на эту тему читала статью английского журналиста, напечатанную за год до начала войны. В ней он утверждал, что если Германия нападет на Советский Союз, то она наверняка потерпит поражение, потому что советский народ вынесет любые невзгоды. Журналист клялся, что, будучи в Москве в январе, лютой зимой, он лично видел, как люди едят на улице мороженое. «Разве можно такой народ сломить?» – спрашивал он, – Софа засмеялась и опять сделала ему глазки.

– Расскажите мне о себе, – попросил Кирилл.

– Ничем не примечательная биография, – отозвалась она будничным тоном. – В 17 лет закончила школу и поступила в мединститут. Это было в 1942 году. Тогда еще нас принимали везде. – Она метнула на него вопросительный взгляд и тут же отвернулась, облизнула мороженое. – Этим летом я заканчиваю учебу. Не знаю, правда, примут ли меня на работу куда-нибудь. Если нет – не весело будет.

– Ну уж, не примут. Вы не преувеличиваете? – спросил Кирилл, без труда уловив, что она имеет в виду.

– Вы, журналист, не знаете, какая кампания ведется в газетах против безродных космополитов? – ответила Софа вопросом на вопрос и презрительно скривила губы. – Или вы не знаете, кто такие безродные космополиты?

Кирилл посмотрел ей в глаза: серьезные, почти угрюмые, но в то же время излучавшие и женскую мягкость, и теплоту, и радостную энергию молодости. Софа не выдержала его долгого взгляда, опустила ресницы, резко отвернулась. Покончив с мороженым, облизнула посиневшие губы и надела перчатку.

– Я хотел бы побольше узнать о вас, Софа, – попытался отойти от скользкой темы Кирилл. – Расскажите о себе что-нибудь. Замужем ли вы? Живете одна, или с кем-нибудь? Что интересного было в вашей жизни, ну, словом...

– Я замерзла, – зябко пожалала плечами Софа. – Это от мороженого. И я уже почти дома.

– Я тоже начинаю замерзать, – соврал Кирилл. – Может, угостите чаем, чтобы согреться. Если, конечно, с вами еще кто-нибудь не живет.

– Я живу одна. У меня одна комната в коммуналке, досталась мне после смерти матери. Она умерла в прошлом году. – Софа хлопнула ресницами, останавливая слезу. – Если меня направят по распределению куда-нибудь в тьмутаракань, я потеряю жилье и прописку в Москве.

– Значит, вы меня приглашаете на чай? – спросил Кирилл, беря ее под руку. Софа не пыталась освободиться.

– Ваше предложение пригласить вас ко мне на чай почти принято, – сказала она сквозь смех. – Но лучше это сделать в другой раз. У меня в плитке спираль сгорела, и я все не соберусь ее сменить. Да и плохо у меня получается обращаться с железками. Так что согреть воду для чая не на чем.

– Моя вторая специальность – ремонт электроплиток, – уверенно заявил Кирилл, и Софа легонько ткнула его локтем в бок за явную ложь. – И даже в этой области у меня узкая специализация, – продолжал дурачиться Кирилл, под одобрительный смех Софы. – Я в основном имею дело со сменой спиралей. Есть у вас запасная спираль?

– Есть, – сказала Софа, – но есть кое-что еще, чего не хотелось бы вам показывать. Это является более серьезным препятствием, чем спираль.

– Вы разжигаете мое любопытство, – сказал Кирилл. – Объясните.

– Мои соседи. У нас в коммуналке четыре комнаты, на четыре семьи. Моя комната последняя от входа. А вот в первой живут довольно шумные соседи и порой доставляют мне неприятности.

– Что им от вас нужно? – спросил Кирилл.

– Мы пришли, – объявила Софа, останавливаясь у подъезда пятиэтажного дома. – Вам в самом деле интересно, что против меня имеют соседи?

– Да. Сгораю от любопытства.

– Тогда пойдем ко мне. На «ты», Кирилл, можно?

– С удовольствием, Софа. Гарантирую безупречную работу электроплитки.

– В таком случае гарантирую горячий чай, – тем же тоном сказала Софа и, открыв замок двери коммуналки большим желтым ключом, шагнула в темный, пропахший папиросным дымом коридор. В конце коридора виднелась распахнутая дверь общей уборной. Ее не закрывали, чтобы сэкономить электричество, ведь свет из маленького окошка в уборной проникал и в коридор. Единственная лампочка, густо покрытая пылью, по-видимому, давно перегоревшая, свисала с потолка на тонком проводе и казалась засохшей грушей. Ее легко можно было достать рукой, а высокий человек мог и головой задеть.

– Иди за мной, – командовала Софа, проходя вперед. Даже в полутьме Кирилл заметил, насколько обольстительна ее фигура. Она со шелчком отперла замок и жестом пригласила его войти в комнату. Сквозь задернутые занавески проникали лучи заходящего дня, освещая опрятно прибранную железную кровать в левом углу, стол без скатерти посередине, полки с книгами и стол справа, возле окна, под нишей, служивший кухней. Там-то и стояла электроплитка с перегоревшей спиралью, но Кирилла меньше всего заботило, как ее починить. Софа вела себя слишком свободно в первый же день знакомства. Будет ли она легкой добычей? От этой мысли в груди его стало горячо и сердце забилося яростно, как перед битвой.

– Тебе интересно бывать в Еврейском Антифашистском Комитете? – спросил Кирилл, чтобы как то отвлечься от вздорных мыслей и дать себе время обдумать, стоит ли начинать ухаживания.

– Очень, – ответила Софа. – Пожалуйста, Кирилл, повесь свое пальто сюда, на крючок на стене. Насчет комитета, – продолжала она, доставая с полки бесформенные куски плотного, как камень, белого рафинада, блюдца, чашки и блестящие щипцы для раскалывания больших кусков сахара. – Да, там очень интересно. Мне посчастливилось встретить там выдающихся людей.

– Амурное настроение Кирилла улетучилось. Он занялся ремонтом электроплитки, украдкой поглядывая на нее и стараясь явно не показывать своего интереса, спросил: – Кого, например?

– Например, я познакомилась с Полиной Семеновной Жемчужиной – женой Молотова, – Софа обернулась и посмотрела внимательно ему в глаза, чтобы подчеркнуть значительность сказанного. – Выдающаяся личность!

Кирилл внутренне напрягся. Тут уж действительно что-то крайне важное и интересное: жена Молотова дружит с людьми, подозреваемыми в связях с врагами! Неужели так далеко могло все зайти?

– Наверное, интересно с ней беседовать, – будничным тоном сказал Кирилл, делая вид, что поглощен укладыванием спирали в лабиринт керамической базы.

– Да, очень, – согласилась Софа. – Я сейчас расскажу тебе кое-что о ней. Готова ли плитка, товарищ специалист по спиралям?

– Да, готова, – торжественно объявил Кирилл, вставляя штепсель в розетку. – Видишь, спираль накаляется.

– Поставь на плитку чайник, – сказала она, продолжая рыться на полках, очевидно стараясь найти к чаю что-нибудь вкусное. Вдруг она замерла, как будто прислушиваясь.

– Соседи из первой комнаты пришли с работы, – заметила она с улыбкой и начала наводить порядок на столе. – Скоро начнется концерт.

Софа подошла близко к нему и сняла чайник с плитки, чтобы убедиться в ее исправности. Кирилл уловил слабый аромат духов, отчего его ноздри раздулись, как у лошади перед

скачкой. Софа, очевидно, не заметила его настроения. Она одарила его одобрительной и ласковой улыбкой, вернулась к столу. Кирилл обернулся и жадно осмотрел ее фигуру. Дьявольское наваждение! Кровь бросилась ему в виски и сознание затуманилось на секунду от бешеного желания обнять ее и растрепать, как куклу. Он с трудом усмирил свой пыл. Интуиция подсказала ему, что простота и легкость обращения Софы происходят не от доступности или заигрывания, а от чувства равенства с мужчиной и желания поддерживать непринужденный, дружеский разговор. Хотя кокетство, конечно, было, однако не достаточное для таких преждевременных и неуместных действий. К тому же, он был на службе.

– Какой концерт ты ожидаешь от соседей? – спросил Кирилл, садясь за стол. Он почти успокоился и настроился на неторопливую беседу.

– Сегодня суббота совпала с получкой, – объяснила Софа, высыпая грузинский чай из кубика бумажного пакета в маленький белый чайник для заварки. – Самые скандалисты – это господин Сучков и его супруга мадам Сучкова, – со смешком добавила она, сняла большой чайник с раскрасневшейся плитки и стала наливать из него кипяток в маленький чайник. От горячей струи воды поднялись беспорядочные клубы густого белого пара.

– Холодно в комнате, потому и пар идет, – пояснила Софа. – С утра батареи холодные. – Она замерла на несколько секунд, прислушиваясь к звукам в коридоре. Держа чайник на весу, она с хитрой улыбкой метнула на Кирилла озорной взгляд.

Громко хлопнула дверь в общей уборной. Из коридора донесся топот ног и возбужденные возгласы соседей из дальней комнаты.

– Семейство Сучковых начинает сегодня концерт раньше обычного, – хмыкнула Софа, возобновив хлопоты вокруг стола. – Тебе повезло, Кирилл. Ты будешь свидетелем полной программы.

Она наполнила его граненый стакан, втиснутый в металлическую подставку, душистой кориценовой жидкостью, и Кирилл опустил в чай кусок сахара, чтобы он размяк.

– Я этих программ столько насмотрелся в своей жизни..., – без энтузиазма отозвался Кирилл, отхлебывая чай. Он тоже стал замерзать, и согревающий чай с сахаром вприкуску был весьма кстати. – Я бы с большим удовольствием послушал, что говорит Полина Семеновна. Жена Молотова, наверное, много знает, и умная женщина. – Кирилл говорил небрежно, как будто с праздным интересом и, с улыбкой встретив взгляд Софы, положил размокший кусок сахара в рот.

– Что именно тебя интересует? Она говорит на многие темы.

– Например... о деятельности ЕАК. Какая, по ее мнению, его главная задача?

– Она говорит, что условия изменились, и сейчас ЕАК должен сосредоточиться на развитии еврейской культуры, установить связи с евреями Палестины. Она считает, что очень важно, после кровавого урока Гитлера, евреям всего мира помогать друг другу. Интересную мысль высказала она недавно... Софа замолчала, услышав возмущенный крик женщины из первой комнаты.

– Мадам Сучкова, минуя первую стадию опьянения, сразу перешла ко второй, – насмешливо комментировала Софа и предупреждающе подняла палец вверх, призывая к тишине. В любой другой момент Кирилл бы оценил ее юмор, но сейчас, когда она прервалась на интересном месте, он едва сумел подавить в себе раздражение.

– Я сегодня пять колидоров намыла, а ты сколько намыла, белоручка поганая? – кричала мадам Сучкова. – Не одного, поди, знаю я тебя.

– Кому это она кричит? – спросил Кирилл.

– Мне.

– Не может быть! – выпалил Кирилл.

– Представь себе. Она ревнует своего супруга, господина Сучкова, ко мне. Она подозревает нас в тайной связи, – Софа расхохоталась и стала наполнять свой стакан. – Муж ее – под-

собный рабочий. Она – уборщица, моет полы в квартирах. Работает с рассвета до зари, бедняга, и все живет в той же нищете и безысходности. Грех смеяться над ней, но что поделаешь, трагедии на Руси подчас довольно смешны. У каждого они есть, потому и имеем мы право смеяться как над собой, так и над другими.

В это время обстановка в комнате с краю накалялась от дешевой водки и ядовитой ревности.

– Ты думаешь, что ты партейна, дак это все? – срывалась на странный, хриплый визг мадам Сучкова. Ей было важно, чтобы не только воображаемая соперница, но и весь дом слышал ее визг. – Нет, не все! – не дожидаясь ответа, отвечала она сама себе. – Не все! Ты по документам партейна, а я по душе партейна. Вот!

– Вот, дура, – тихонько хохотнула Софа. – Это я-то партейна!

– Ты уверена, что это тебе она орет? – снова усомнился Кирилл.

– Не веришь?

Кирилл откинул голову назад, с недоумением уставившись на Софу:

– Что за чушь.

– Не обращай внимания. Никто не принимает ее всерьез. Но это долго не продлится.

– Так ты не договорила. Что интересного говорит Полина Семеновна?

– Ах, да, забыла, на чем остановилась. Я недавно присутствовала при разговоре ее с Шигалевичем. Полина Семеновна утверждала, что наступает новая эра в истории евреев СССР, а может быть, и во всем мире. Мы оказываем огромную помощь евреям Палестины. Оружие туда идет непрерывным и мощным потоком. На международной арене Молотов и Громыко поддерживают идею создания государства Израиль активнее, чем любая другая страна, даже Америка. Интересно, она утверждает, что война там неизбежна, и если Израиль победит, мы установим с этой страной дипломатические отношения и тогда... Тогда все изменится к лучшему.

Софа опять прислушалась к крикам. На сей раз мадам Сучкова критиковала свою воображаемую соперницу с других позиций.

– Ты думаешь, что если матерно не ругашся, так ты культурна?

Грубый голос, очевидно, ее супруга, прервал ее тираду окриком «заткнись, наконец, сука», но действие его длилось лишь несколько секунд. Убедившись, что ее супруг стоит на стороне соперницы, тем самым подтвердив ее самые ужасные подозрения, она заорала с новым взрывом энергии, на сей раз обращаясь к ним обоим.

– Вы мне рот не затыкайте. Я знаю, вы сговорились за моей спиной. Она шибко грамотна, думает, я ниче не замечаю. А я умная, я...

Кирилл решил сделать еще одну попытку направить разговор в прежнее русло и заодно отвлечь Софу от пьяных криков.

– Как реагировал на ее слова Шигалевич? – спросил он.

– Он большой скептик. Я не буду повторять, что он говорил...

– Почему? – прервал ее Кирилл. Софа замялась.

– Так... Не важно. Однако я верю Полине Семеновне больше, чем Шигалевичу, хоть он и очень умный человек. Жена Молотова наверняка больше знает, чем он. У нее информация от министра иностранных дел, второго человека после Сталина.

В комнате уже стемнело, но Софа свет не включала. Она наполнила опустевшие стаканы и молча стала отхлебывать свежий чай.

– Я в этом доме самая партейная, – не унималась Сучкова. – Я, а не ты, понятно тебе?

После того как мадам Сучкова высказала таким образом свою преданность партии большевиков, раздался глухой стук упавшего тела. Кирилл решил пошутить в духе Софы.

– Господин Сучков приступил к заключительному этапу семейного вечера; он начал бить свою супругу, мадам Сучкову, – сказал он со смешком. Софа не разделила его веселья. Она угрюмо сдвинула брови.

– Как можно бить женщину! – с возмущением сказала она. – Ведь женщина в физическом плане незащищенное существо по сравнению с мужчиной. Мужчине сила дана, чтобы защищать женщину, а тут... Ужас, какие нравы.

– И часто это происходит? – спросил Кирилл.

– Всегда, когда пьют. А в получку пьют обязательно.

– Не жалуются соседи в милицию? – спросил Кирилл.

– Во всем доме нет ни одного телефона. Ближайшая телефонная будка находится в полкилометре отсюда. Кому охота бежать в такую даль? Да и бесполезно это. – Софа поднялась. – Сейчас они утихомятятся и уснут. На сегодня их спектакль закончен.

– Да, пора и нам расходиться, – сказал Кирилл, поняв намек. – Можем мы встретиться на неделе?

– Можем. Где и когда ты предлагаешь?

Договорились встретиться через день у Большого театра.

Выйдя из неосвещенного и мрачного, как пещера, подъезда, Кирилл с наслаждением вдохнул похолодевший к ночи воздух, все еще хранивший аромат приближающейся весны. Он нежно пощипывал ноздри, проникал в легкие и приятно освежал лицо.

Кирилл медленно зашагал по пустынной улице, слабо освещенной редкими фонарями, наступая на хрустящие корки льда замерзших луж. Их звук тоже был предвестником наступающей весны. Он вспомнил высокую грудь и узкую талию Софы, ее пронизательные, насмешливые и веселые глаза, и кровь застучала у него в висках, и жарко стало так, что он расстегнул пальто навстречу легкому ветерку. Ему хотелось бесконечно бродить по темным, почти безлюдным улицам, дышать пьянящим запахом талого льда, и чувствовать в себе богатырские силы и неизбывную молодость.

Он был почти уверен, что понравился Софе. Вопрос только, как сильно и надолго ли это? «Так ничего толком не узнал о ней, – с легким сожалением подумал Кирилл. – Была ли она замужем? Был ли кто у нее в прошлом? Вот такую бы в жены, тут уж не ошибешься». От этой мысли и нахлынувших с ней сладких фантазий, он погрузился в наркотический дурман воображаемого счастья.

Еще одна замерзшая лужа хрустнула под ним. Она оказалась глубже, чем он предполагал. Оступившись, он едва удержал равновесие. Холодная вода, попавшая в ботинок, вернула его к реальности. Ведь он на задании, и Софа должна быть только звеном в цепи, которую нужно вытянуть из тайника и распознать, что из себя представляет каждое звено.

Настроение испортилось, однако память упорно возвращала его в комнату Софы, где был полумрак, приятный аромат чая, ее неторопливая речь и все понимающие, загадочно мерцающие глаза.

– «Будь, что будет», – повторил он про себя фразу, заученную во время службы в армии и, заметив вдалеке станцию метро, решительной походкой направился к ней.

Глава 6

Охрана сообщила Берии, что Сталин прибыл в Кремль в 4 часа дня и приглашает к себе в кабинет к шести. Решив передохнуть, Берия встал, потянулся, положил пенсне на стол и подошел к окну. Ясный мартовский день затухал, отбрасывая длинные прозрачные тени холодного вечернего солнца. Красивый вид за окном! Кому-то может показаться, что Кремль – самое безопасное место на земле. Однако здесь атмосфера накалялась с каждым днем, и кто знает, на кого сейчас укажет перст вождя и прозвучит приказ «расстрелять».

Причину совещания Сталин не объявил, и потому оставалось только гадать, каков будет предмет обсуждения. Ничего хорошего Берия не ожидал. Последнее время агрессивная активность вождя стала распространяться на все сферы жизни страны. Шли идеологические кампании, громившие неправильно мыслящих во всех отраслях науки, искусства, партийной и государственной деятельности.

Все в Политбюро понимали, что возвращается политика чисток и расправ, и несмотря на это каждый надеялся, что он-то выживет и поднимется на самый верх на кровавой волне. По мнению Берии, он, единственный из всех членов Политбюро, более или менее ясно понимает, что замышляет вождь. Догадывается, кто первый пойдет на плаху.

С этой мыслью он вернулся к столу, надеясь использовать оставшееся до совещания время на подготовку к возможным вопросам об атомном проекте, и нацепил пенсне. Однако в половине шестого ему пришлось прерваться. Без предупреждения, без стука, в кабинет вплыл, покачивая полными бедрами, Маленков и, аккуратно прикрыв за собой дверь, без приглашения сел в кресло. За маской обыденной, деловой сосредоточенности Берия мгновенно распознал азарт хищника, приготовившегося к прыжку.

– Жданова не будет сегодня на совещании. – Маленков сделал паузу, чтобы подчеркнуть значительность события. Берия утвердительно кивнул, давая понять, что для него это хорошая новость и, снова сняв пенсне, стал на него дышать и тереть об рукав. Очень удобное занятие, если избегаешь встретиться взглядом с собеседником.

Жданов стал вторым человеком в партии после Сталина. Его ленинградская группировка набирала силу. Вознесенский, тоже из Ленинграда, был первым заместителем Сталина в Совете Министров, а также председателем Госплана, и следовательно управлял всей экономической жизнью страны. Маленков, помешанный на лаврах лидера, был сильно обеспокоен изменениями в структуре власти. По собственному опыту, он знал, что те, у кого больше сил и влияния, убирают соперников, чтобы заменить их людьми, несведущими в тонкостях борьбы за власть. Догадывался, что все члены Политбюро и Совмина понимают, что сейчас верхний эшелон власти на пороге расправ, время и масштаб которых еще не определены.

– Болеет Жданов? – спросил Берия.

– В больнице. Плохо с сердцем. На совещании из ленинградцев будет только Вознесенский. Кстати, Хрущев прибыл с Украины. Утверждает, что срочные дела у него здесь, как будто никто не понимает, что это за дела и что за срочность.

– У меня последнее время с ним хорошие отношения, – сказал Берия. Он не стал пояснять, что с Хрущевым необходим временный союз. Маленков все и так понимал.

– Никак в толк не возьму, что Хозяин будет сегодня обсуждать, – продолжил Берия, потирая глаза. – Столько работы с атомной куклой, что ни на что другое времени не остается. А ведь на мне еще вся энергетика и часть военной промышленности. Вот... – Берия кивнул на заваленный бумагами стол, и ввернул пенсне на переносицу. – Только разложить всю эту кучу – и то уйма времени.

– Я говорил с Хозяином накануне, – сообщил Маленков, наклонившись вперед и понизив голос, как будто его мог кто-нибудь подслушать. – Формально будет обсуждаться международ-

ное положение и экономика и некоторые вопросы идеологии. Уверен, что основной вопрос, который его волнует, это вопрос идеологии, откуда потянется все остальное. Понимаешь?

Берия растянул губы в презрительной улыбке, кивнул, но ничего не сказал. На этом этапе он полностью доверял другу, ведь его падение означало неизбежную гибель Маленкова. Берия из-за атомного проекта был пока что неприкасаемым.

– Я разговаривал с Вознесенским пару дней назад, – продолжал Маленков. – Он пытается найти поддержку своей идеи фикс – предпринять меры по увеличению производительности труда и улучшению жизненного уровня населения. Эти идеи перекликаются с идеями Варги, институт которого, как ты знаешь, Хозяин разогнал за эти самые идеи.

Берия одобрительно хмыкнул. Институт экономики при Академии Наук СССР к концу 1947 года сосредоточил в себе лучшие умы экономической науки страны. По сведениям отдела кадров, половина среди них были евреями. Они обнаглели до такой степени, что предложили Сталину прекратить гонку вооружений, ведущую к обнищанию страны, уменьшить затраты на карательные органы и органы безопасности и направить ресурсы на мирную промышленность и повышение благосостояния народа. Вождь пришел в ярость и дал короткое, хлесткое указание: разогнать. И разогнали, а сейчас начались аресты врагов народа, свивших себе гнездо в институте и пропагандирующих чуждые нам идеи повышения жизненного уровня населения.

– Но ведь Вознесенский открыто высказался против их идей, – возразил Берия. – Он был за разгон института. Как ты это свяжешь?

– Институт подчинился Госплану, которым руководит Вознесенский. От них, как показало время, он и почерпнул эти нелепые идеи, в то время как речь идет о борьбе двух систем не на жизнь, а на смерть. – Тут, наконец, и Маленков хихикнул и, выдержав взгляд Берии, недоуменно пожал обвисшими плечами.

– Понял. – Берия несколько раз утвердительно кивнул, давая понять, что ему ясен план действий. Свалить Вознесенского, это значит свалить Жданова. Это значит, что Маленков станет вторым человеком после Сталина. Вполне подходящий вариант.

Берия поднялся и, подойдя к двери, широко распахнул ее, уступая Маленкову путь. Вознесенский, рассуждал он по дороге на совещание, был единственным человеком, заслуживающим поста главы правительства. С ним Берия мог бы стать вторым человеком и вершить великие дела. Не судьба.

– Да, забыл сообщить, – сказал Маленков, подстраиваясь под походку Берии. – Хозяин распорядился, чтобы мы с тобой приехали к нему вечером на Ближнюю дачу. Он все продумал на несколько шагов вперед. Ждет нас к десяти вечера.

В зале совещаний все, кроме Сталина, были в сборе. Вознесенский, как второй человек в государстве, занял ближайшее место справа от пустующего кресла Сталина. Приглашенные члены Политбюро, несомненно, ожидали прибытие вождя, ибо выражение небесной радости на их лицах сменилось, при появлении Берии, кислой улыбкой формального приветствия.

Заняв свободное место рядом с Маленковым, Берия в доли секунды успел разглядеть каждого и сделать выводы. Среди собравшихся чувствовалась напряженность. Они наверняка понимали, что грядут большие перемены, но в чем они будут заключаться, оставалось пока что только гадать. Каждый надеялся уловить на этом совещании хоть какие-то намеки на дальнейшие планы вождя. А в планах вождя всегда первое место занимали власть и расстрел. Кто следующий?

В зал совещаний неторопливо вошел Хозяин и, небрежно кивнув в ответ на радостные улыбки и восклицания, занял свое место во главе стола. Выглядел он усталым и понурым. «Мешки под глазами и землистый цвет рябого лица. Может, правда, вождь серьезно болен. Все здесь надеются на светлое будущее без Хозяина», – подумал Берия и улыбнулся про себя. Однако заговорив, вождь оживился и, казалось, даже помолодел.

– Международное положение все больше обостряется, – медленно начал он, «прихрамывая» на грузинский акцент сильнее обычного. Значит, что-то с мозгом, решил Берия, и с обожанием посмотрел на Хозяина. Возможен второй инсульт, промелькнула у него мысль. Скорей бы. – Также внутри страны не все благополучно на идеологическом фронте, – вещал Сталин, как старозаветный пророк – Сегодня мы собрались, чтобы обсудить наиболее важные аспекты внешней и внутренней политики и наметить дальнейшие шаги. Давайте начнем с международного положения и выслушаем доклад товарища Молотова.

На каменном лице Молотова мелькнула довольная улыбка, и в глазах блеснули искры радости. Неудивительно: последнее время Сталин относился к нему довольно холодно. А тут вдруг такое внимание!

Берия успел забыть за долгие годы, когда последний раз он видел выражение радости на лице Вячеслава Михайловича. В самых трудных, почти критических ситуациях его лицо оставалось неподвижным, как высеченным из камня. Или, лучше сказать, невозмутимым, ничего не выражающим, как у вышколенного дипломата. Не исключено, что благодаря такой способности он и получил от Сталина назначение министра иностранных дел, несмотря на то, что дипломат он был, по мнению Берия, не ахти какой. Он точно следовал указаниям Сталина во всех переговорах и твердо отстаивал до буквы определенные позиции не потому, что имел свою точку зрения и принципы, а как раз наоборот, потому что никаких принципов или собственных мнений у него либо не было, либо он никогда их не высказывал вслух. Его фундаментом была точка зрения Сталина, и своей задачей он считал понять ее и на этой платформе добиваться результата.

– Международные проблемы, которые нам необходимо разрешить в кратчайшие сроки, по сложности и масштабу не уступают тем, что были перед Второй мировой войной, – начал свою речь Молотов, обращаясь только к Сталину. – Пока не ясно, в каком направлении пойдет Китай после успешного окончания революции. Возникновение НАТО и образование двух враждебных германских государств может привести к военному конфликту в Европе, который ляжет на плечи нашей экономики и людских ресурсов еще более тяжелым бременем, чем война с Германией. Враждебность капиталистических государств по отношению к Советскому Союзу усиливается не по дням, а по часам.

Прав ты, Вячеслав, мысленно одобрил его Берия. Только не упоминаешь ты, что причина этой враждебности и накала международной обстановки – твой вождь, помешавшийся на власти, параноик, подозревающий всех без исключения в том, что они хотят эту власть у него отнять.

Берия понимал тактику Молотова. Вячеслав хочет направить внимание Сталина на решение международных проблем, которые действительно требовали времени и энергичного руководства, и тем самым отвлечь вождя от подготовки чисток и расправ. Ведь он был первый кандидат. Столько лет бедолага работает на своего Хозяина и все равно надеется на чудо!

– Стоит упомянуть при этом План Маршалла, – с энтузиазмом продолжал опальный Молотов, приняв молчание Сталина за искренний интерес. – Вливание финансов в экономику Европы может отсрочить мировой экономический кризис и укрепить экономику Европы. В этих условиях...

Берию интересовала реакция Сталина и присутствующих на речь Молотова гораздо больше, чем сам доклад. Берия хорошо знал причину, по которой Молотов попал в опалу. Сталину донесли, что жена Молотова, Полина Жемчужина, сказала во время похорон Михоэлса, что смерть его подозрительна, а потом в узком кругу прямо высказалась, что это убийство. Сталин даже кулаки сжал, когда ему донесли. Примерно месяц спустя, в конце февраля, одна из агентш личной разветвленной сети Берии доложила ему, что во время небольшой вечеринки у Молотовых в честь Дня Советской Армии, когда речь зашла о Сталине, Полина обронила на идиш вполголоса: дер шварцер ганэф. Молотов побелел, и губы его задрожали. Агентша

докладывала, что ужас в его глазах застыл на полминуты. Молотов, разумеется, не знал идиш, но несколько выражений, часто повторяемых Полиной, понимал. Агентша, еврейка, знающая идиш, перевела Берии: черный бандит.

Как Жемчужина могла сказать такое при посторонних, пусть даже самых доверенных, было трудно понять. Очевидно, ненависть к вождю непроизвольно выплеснулась через край. Жемчужина на людях неизменно говорила о горячей, всепоглощающей любви к товарищу Сталину. Берии порой думалось, что подобные слова любви она не говорила даже своему мужу. Если судить по поведению этой пары на людях, они наверное даже в постели говорили друг другу о любви к товарищу Сталину и преданности коммунистическим идеям, и до, и после, и вот, на тебе...

И хотя Берия не известил Сталина об этом, слух до него все равно дошел. У Молотова оставался шанс выжить и даже, быть может, сохранить один из постов. Для этого ему нужно было, как честному коммунисту, преданному любимому товарищу Сталину, написать на жену донос, осудив ее с принципиальных марксистских позиций, а потом, как члену Политбюро и представителю высшей власти, рекомендовать привлечь ее к суду и затем расстрелять. Ничего этого Вячеслав Михайлович не сделал, тем самым подписав себе смертный приговор, дата исполнения которого пока не известна. Однако формально он нес ответственность за международные отношения и оставался на своих постах.

Сталин оборвал Молотова на половине фразы.

– Из доклада товарища Молотова стало еще более ясно, насколько враги социализма ожесточились и усилили свою враждебную деятельность, – сказал Сталин, не глядя на Молотова. – И наша политика должна быть направлена на то, чтобы встретить врага во всеоружии.

Тут он уставился на Берию, как будто ожидая от него ответа, но Молотов его опередил.

– Я коротко остановлюсь на положении на Ближнем Востоке. – Сталин вначале нахмурил брови, но услышав упоминание о Ближнем Востоке сдержал свое раздражение и молча кивнул, разрешив продолжать. – Война там неизбежна. Месяц, два, максимум три, и там вспыхнет пожар. На этой бедной, казалось бы никому не нужной земле, может произойти конфликт, в который могут быть втянуты великие державы.

Тут Сталин одобрительно кивнул и обратился к Вознесенскому.

– Справится ли экономика с поставленными задачами? – спросил его Сталин.

Волевое, суровое выражение лица Вознесенского почти не изменилось даже после того, когда он бегло осмотрел сидящих за столом и встретился взглядом с вождем. Не появилось у него и того подхалимского выражения, с которым обычно обращались члены Политбюро к вождю.

Много ты о себе мнишь, мысленно обратился к нему Берия. Думаешь, добившись больших успехов и доказав свои способности к управлению страной, ты стал бесценным и незаменимым. Скоро ты увидишь, что все как раз наоборот. Героев Сталин не возвышает, а убивает. Горько кольнула мысль, что скоро и он попадет в опалу. Атомная бомба...

– Я не буду повторять цифр, подтверждающих достижения народного хозяйства, – заговорил Вознесенский. – Но для того, чтобы выполнить потребности постоянно растущей военной промышленности, а также потребности населения, мы должны увеличить производительность труда. Мы не должны, да и не можем больше, жить прошлыми успехами и игнорировать быстро меняющиеся обстоятельства. Хочу обратить ваше внимание, товарищи, что наши методы руководства, эффективные в условиях военного времени, уже не являются таковыми, и требуют радикального пересмотра и замены.

Сталин, до сих пор возившийся с холодной трубкой, резко вскинул глаза на Вознесенского, в то время как голова его оставалась опущенной вниз и неподвижной. Взгляд получился колкий, исподлобья, враждебный.

– Что вы имеете в виду, товарищ Вознесенский? – спросил Сталин, однако вполне дружелюбным голосом.

Вот оно, моментально сообразил Берия. Попался Вознесенский.

– Я высказывал свои соображения как в своих работах, так и во время обсуждений в Госплане и в Совете Министров. У трудящихся отсутствуют экономические стимулы, и потому возникла проблема производительности труда. Во время войны был сильный моральный стимул – победить гитлеровскую Германию. Сейчас этого стимула нет.

Все прекрасно понимали, что Вознесенский имеет в виду. Народ, переживший горе и тяготы самой кровавой войны в истории человечества, народ-победитель, надеялся, что в условиях мирного времени дух свободы пронесется над страной, и жить станет лучше, и люди смогут жить в квартирах и зарабатывать достаточно, чтобы прокормить и обустроить детей. Народ устал от жертв, от призывов, и заставить его снова работать на патриотизме и лозунгах было практически невозможно.

– Есть другой, не менее важный моральный стимул, – вмешался Маленков. – Не исключено, что мы на пороге третьей мировой войны, и потому задача идеологических организаций донести это до широких слоев населения.

Глаза Сталина потеплели. Он взглянул на Маленкова с безошибочным выражением одобрения.

На лбу Вознесенского обозначились угрюмые вертикальные морщины, однако в целом его волевое лицо оставалось непроницаемым. Напрасные старания. Берия знал, что за этой каменной маской скрывается презрение к ним, недоучкам, волею обстоятельств вершившим судьбы страны и всего мира. Вознесенский был единственным из собравшихся, который имел законченное высшее образование. Мало того, он был доктор экономических наук и член Академии Наук СССР.

Маленков учился в институте МВТУ, однако не закончил его. Молотов тоже учился в политехническом институте, и тоже не закончил его. Булганин учился в реальном училище, однако неизвестно, закончил он его или нет. Одно ясно: никаких знаний он оттуда не вынес, однако ухитрился приобрести очень интеллигентный вид, за которым скрывался полный дурак. Сам Берия закончил только техникум, и хоть он и старался всю жизнь учиться, до Вознесенского ему было далеко. Об образовании Хрущева можно было говорить только в контексте анекдота. Он учился в так называемой Промышленной Академии, но до академика ему было дальше, чем неандертальцу до профессора. Оставался вождь, светоч знаний, который учился только в церковно-приходской школе.

Да, не просто так Вознесенский руководил экономикой страны. Он бы смог оставаться на этом посту еще какое-то время, если бы не его искреннее желание улучшить жизнь людей. Он, как никто, знал, что механизм идеологического стимула перестал работать после войны, и единственный стимул, который оставался, был страх перед карательными органами. Берия вспомнил, как один из его осведомителей, работавший в институте Варги, донес ему высказывание академика Каплана: система поголовного рабства. Чтобы изменить положение, нужно было представить новые идеи и убедить руководство в необходимости их выполнять. Но право на новые идеи имел только вождь. Если и брал он идеи у кого-то, то потом он этих людей расстреливал, таким образом оставаясь единственным владельцем этих идей. Светоч знаний, ничего не поделаешь.

Сентиментальный чудаковатый товарищ Вознесенский, мысленно обратился к нему Берия. Не усвоил до сих пор, что в этом кругу главное – выжить, второе – борьба за власть, и самое последнее – любые другие соображения.

Вслух Берия сказал: – То, о чем говорит товарищ Вознесенский, звучит для меня вариантом тех идей, которые пытался пропагандировать институт Варги. Мы должны дать этим идеям полный отпор с принципиальных, марксистских позиций.

Сталину выступление Берии понравилось.

– У меня в архиве хранятся письма сотрудников этого института, – заговорил Сталин, обращаясь то к Вознесенскому, то к Берии. – Эти товарищи полагают, что звание докторов и академиков позволяет им переделывать марксистскую теорию. Я внимательно прочитал их письма и отчеты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.